

Игрывыгры

Автор:

Петр Ингвин

Игрывыгры

Петр Ингвин

Морг. Юная красotka. Снова морг. Снова юная красotka. В жизни женатого сорокапятилетнего работника типографии происходят странные вещи. Кто вмешивается в его жизнь и зачем? (Автор обложки – Ингви Петрин)

Петр Ингвин

Игрывыгры

Часть первая

Трудно быть хорошим.

Питтак, один из семи мудрецов Древней Греции.

***

– Шевельнулся. Сейчас глаза откроет.

– Работаем.

1

Не голова, а колокол. И дятлы внутри. Поубивал бы. Почему так бесчеловечно ярко? Хочется зажмуриться, а никак, глаза закрыты, свет бьет сквозь веки. Пришлось закрыться рукой. Затекшее тело подмерзло, конечности ломило и выворачивало.

Очнувшись окончательно, он приоткрыл глаза: «Что со мной? Где я? И... кто я?»

Утро. Очередное утро. Наверное. Или день.

С первым вопросом – «что со мной» – все ясно, похмелье с отягчающими обстоятельствами. Вчера вышел в отпуск, с друзьями отметил. Дома добавил.

Дома. Ага. Жена. Дети. Почему так тихо? Разошлись по местам отбывания трудовой и образовательной повинностей?

Вот и второй вопрос отпал. Он – Михаил, отец троих детей, ныне отправленных на летний отдых. Печатник районной типографии. Владелец квартиры на окраине, где уже много лет, как рясой, затягивалось благополучием болото, которое другие люди в других обстоятельствах зовут жизнью. Затягивалось, затягивалось... и затянулось. Оттого и похмелье, не первое и не последнее.

Осталось узнать «где я». На родные пенаты холодное помещение не походило. Белый потолок, нервирующие люминисцентные лампы, кафель цвета обморока, простынка с лиловой кляксой печати...

Руки пробежались по груди, по плечам, по бедрам, по пальцам... упс! Ни верхней одежды, ни нижней. Даже кольца обручального нет. Сволочи. Ничего нет. Вообще.

Вытрезвитель? Больница? На первое не похоже, опыт есть. Если больница – что случилось? И почему так нагло обобрали? Проблем захотели? Будут им проблемы.

Ноги, сброшенные с кушетки, пола не достигли, а в черепе, едва корпус начал движение к вертикали, зашумело. Сидеть, когда извилины водят хороводы, это вам не лежать. Теперь понятно, отчего многие ракеты взрываются на старте. У них ощущения те же. Потому и последствия. Ну, положите обратно на стапели...

Как же гадостно во рту и мыслях. Трудно фокусировавшийся взгляд попал на голую ступню, глаза долго и бессмысленно тарацились, не смея поверить: на пальце красовался клеенчатый номерок.

До сих пор зябко было снаружи, теперь похолодело внутри. Такие номерки выдаются в двух случаях: при рождении и наоборот. Первое отпадало за давностью лет и полной нелогичностью. Оставался морг. Все соответствует, если верить кино. И простынка, которой конфузливо прикрыт, и жесткая стальная каталка на колесиках, которую врачи используют для перевозки тяжелобольных... или таких вот начинающих трупов, как Михаил.

Но он жив! Лежак непотребно проскрипел что-то вслед поднявшемуся Михаилу. Вокруг – никого. На вешалке поник рукавами одинокий медицинский халат. Замечательно. Тесное одеяние слегка треснуло на плечах, настроение взлетело, через миг нос с любопытством высунулся за дверь. Тоже пусто. Длинный коридор. Несколько запертых дверей. Потерявшие чувствительность ноги ступали по ледяному полу со стуком робота, мышцы деревянно скрипели, но Михаил упорно пробирался дальше

В покинутом живыми здании все было закрыто, все выключено.

О, приятная новость: у одной из дверей кем-то оставлены грязные резиновые сапоги.

Как же хорошо в обуви, даже мысли прояснились. И подкинули информацию: на улице – ночь, если верить виду за окном. Понятно, почему все разошлись по домам.

Окно! Сладить с защелками и внутренними запорами оказалось плевым делом. Створка распахнулась, Михаил со вкусом вдохнул, и неуклюжий прыжок вынес его наружу.

Кроме того, что темно, снаружи оказалось грязно и промозгло. Под ногами хрустнули ветки раздавленного куста.

Жена, наверное, уже с ума сошла. Впрочем... Если она в курсе, что его отправили в пристанище транзитных пассажиров совсем не на экскурсию...

Думать не получалось, мозг напоминал забытые на включенной плите макароны: все слиплось и подгорает. Инстинкт выживания орал: отключите меня или плесните водички! Водички не было. Только ведущая в реальность полоса асфальта. Серая, во тьме она казалась черной. Черная полоса. Символичненько.

– Молодой человек! – раздавалось из-за деревьев и мгновенно увело от интересных размышлений.

«Это я-то молодой?» – порадовался Михаил. В свои сорок с хвостиком... гм, с хвостищем, еще крепкий, но прилично взрыхленный годами, кроме пренебрежительного «мужчина» и окликательно-веселого «эй, дядя», от созданий, подобных источнику приятного голоса, он ничего не слышал. Созданием была молоденькая девушка – очаровательная, темноволосая, но даже в ночи странным образом светло-яркая. В кофточке и не соответствующей обстоятельствам и времени суток мини-юбке. Аккуратная, ароматная, аппетитная. А-а-абалдеть. Не важно, что начинается на «о». Если все в жизни начинать как велят правила, никогда ничего не начнется.

Девушка крутилась около машины, что зарылась брюхом в непроходимую грязь, как свинья в лужу. Видимо, ей (машине) там нравилось, и просьбы самостоятельно выбраться свинский агрегат игнорировал.

– Вот. – Ночное чудное видение развело руками и кивнуло в направлении проблемы.

Странный наряд случайного прохожего девицу не напугал, а только позабавил. Ночью, на пустой улице... Михаил на ее месте засел бы в салоне, заперся и не высывался, пока пальцы лихорадочно набирали все существующие службы

помощи. Или друзей и родственников. Девушку же, как видно, жизнь еще ничему не научила.

Сесть бы самому за руль, да враскачечку, благо, в армии всему научили. В свое время. Тогда этой машиновладельительной пигалицы еще на свете не было. Но вдруг она подумает, что угнать хотят или чего другое нехорошее. Поэтому...

– Подтолкнуть? – Ладони Михаила выразительно показали, как он собирается помочь.

Девушка собралась что-то сказать, ее корпус развернулся... Открытый рот так и остался открытым. Глаза уставились на растопыренные ладони, выражение лица менялось ежесекундно, а взгляд Михаила с запоздалым озарением уперся во вздымавшуюся грудку, четко обрисованную и идеально подходившую для получившегося у него жеста.

Едрить твою через пень-колоду, ругнулся он под нос, пока руки опускались.

Пострадавшая от коммунальной безответственности напряглась:

– Что-что?

– Садись в машину.

Чтобы скрыть смущение, он произнес это по-отцовски сурово, посчитав с высоты возраста, что имеет право.

– Зачем? – донеслось в ответ.

Как ей только права дали.

– Рулить будешь!

Зачем таких вообще за руль пускают? Михаил законодательно запретил бы женщинам водить, если на вопрос о результате приложения силы к не желающему слушаться объекту ответят неправильно. Потому что думать надо о застрявшем автомобиле, который надо толкать, а не о том, о чем они думают.

Дымка светового фона над городом напоминала экран защиты от всего-всего, придуманный и с удовольствием вставляемый фантастами в любое произведение. Клубящееся марево пресекало взгляды наружу, за пределы обитаемого мира, и давило встречные попытки звезд и галактик донести свет до братьев меньших. Луна спряталась, но основная часть неба оставалась чистой и ясной. В такую погоду хорошо наблюдать пришествие инопланетян, даже если их нет. Время суток тоже соответствовало. Если бы таинственная незнакомка выпустила щупальца или обратилась в плотоядное насекомое, Михаил не удивился бы. Удивление сошло на нет еще в комнате с нервным неоном.

Пока девушка располагалась на водительском месте, он обошел машину по кругу. Лужа оказалась громадной. Чтобы толкать, нужно влезть по колено.

На Михаиле как по заказу были высокие резиновые сапоги. Бездарной ночной вороне его само провидение послало.

– Заводи. Выровняй колеса.

– Как?

– Прямо! У тебя автомат?

– Что?

– Коробка, говорю, ручная или автомат? Механическая или автоматическая? Коробка передач... Ну, рукоятка между кресел с цифрами или с буквами?

В направленных на него глазах воссияло великое облегчение.

– А-а! У меня вариатор. А что?

– Тогда подгазовывай помаленьку.

Где-то в подбрюшье завязшей махины хрюкнула отлипшая грязь, и подталкиваемая стальная свиноматка выползла из месива. Одновременно помощника обдало мокро-грязной изморосью. Забрызгало все: халат, лицо, ноги...

- Извините, пожалуйста... я случайно... я не хотела...

- Да понимаю, чего уж.

Девушка оббежала выбравшееся на свободу средство передвижения, в глазах сияло облегчение, как после посещения туалета, если туда несколько часов не пускали.

- Вы врач?

Она обернулась к облеопарденному Михаилу. Глядя, как его недавно белые рукава оттирают с лица, ног и прочего знаки хищного отличия, девушка смутилась и добавила, не успев получить ответ на первый вопрос:

- Вас подвезти?

Вот и хорошо, что не успела.

- Да, если не затруднит.

Салон сверкал, Михаилу пришлось постараться, чтобы не коснуться поверхностей запачканным фронтом. Дверца захлопнулась, прозвучал адрес, в ответ юная водительница поморщила лобик.

- Не близко, - сказала она. - Другой конец города.

- Если не по дороге...

- Перестаньте, я не о том.

Двигатель злобно рыкнул на хозяйку-неумеху, машина сначала задумчиво, затем все более резво поскакала в сторону широкого проспекта. Именно поскакала. Тряска по ухабам не давала говорить, каждая челюсть жила собственной жизнью, головы стремились сыграть со стеклами в футбол по бразильской системе.

Через пару минут ямы сменились дребезгом укатанного проселка, а гравий в свою очередь, шуршащим раем. Прыгающие глаза, наконец, смогли сосредоточиться на чем-то одном, а когда заметили, где сосредоточились, пришлось срочно уводить их вправо и, для безопасности на будущее, подальше в окно.

Вокруг – лепота. Мечта таксиста. Тишь да гладь, и никаких гаишников. Хоть гоночную «Формулу» проводи, никому не помешаешь. Конечно, кроме спящих зрителей. Освещенные тоннели улиц походили на лабиринт, где в одном из поворотов игрока ждет тешивший тщеславие приз. Михаил любил ездить ночью. Машины у него никогда не было (если не считать службы в армии, но сейчас речь идет о личном предмете гордости), и под словом «ездить» он понимал быстрое передвижение в любом виде транспорта, которым управляют другие. Сейчас его организм лихо перемещали в пространстве так, что душа не попевала, движение шло в нужном направлении, лучшего нельзя желать.

Резвая переместительница продолжила:

– Если не возражаете, по пути я на секундочку забегу к себе, это рядом. Вон та многоэтажка в соседнем квартале.

Ухоженный пальчик указал в направлении здания с подземной парковкой. Для небольшого города, в котором человек с зарплатой чиновника средней руки считался богачом, жить в таком доме считалось привилегией. По возрасту, скорее всего, будучи студенткой, новая знакомая не заработала бы на такое жилье самостоятельно, не бывает таких зарплат в обозримой части мироздания. А если надеяться на ипотеку, то надежда умрет последней, поскольку носитель надежды откинет копыта раньше – работать на банк за элитные хоромы придется лет до ста пятидесяти, и еще останешься должен.

Мысли о квартире и деньгах и напомнили о собственном доме.

– Можно позвонить? – попросил Михаил.

– Пожалуйста. Телефон в бардачке.

Когда невесомый аппаратик похолодил руку, вспомнилось, что на улице ночь, и Наташа, наверняка, спит. Если ей своевременно сообщили о «кончине» муженька, то день выдался непростым. Будить не стоило. Лучше обрадовать явочным порядком. Но не отправить хотя бы сообщение Михаил не мог. Быстро пролистнулись «Меню», «Сообщения», «Написать новое», в графе «Кому» пальцы отстучали родные цифры и замерли над буквами текста.

Хм. «Дорогая, я жив, скоро буду»? Нет, лучше так: «Любимая, твой ангелочек летит к тебе с того света».

И что подумает Наташа, когда послание мужа, не ночевавшего дома, придет с чужого номера? А если благоверная надумает перезвонить через некоторое время?!

– Не хотите будить? – поняла девушка, когда неиспользованный мобильник вернулся на место. – Правильно. Настоящего общения ничто не заменит. Я тоже всем бездушным агрегатам предпочитаю живых людей.

Ее челка упала, перекрыв обзор, в тот же миг взмах точеной головки отправил челку на место. Подведенные глаза вместе с целеустремленным носиком следили за дорогой, гладкие щеки напоминали грудь жены, когда она кормила первенца. Тугие выступы соседки еще никого кормили, но объем и стать уверяли, что справились бы на отлично. Руки на руле казались тростинками, одним сжатием мужская ладонь переломит обе. И ведь не боится, паршивка, среди ночи возить незнакомцев.

Михаил намекнул на реалии жестокого мира:

– Живые люди иногда делают больно.

– Поэтому существует мнение, что мы рождены для страданий. Все в мире несет боль, не только люди. Тот же телефон – стоит случиться чему-то серьезному, так сразу или зарядка кончится, или баланс ниже вообразимого, или связь

потерялась. А ведь иногда от звонка зависит жизнь!

– Жизнь много от чего зависит, – согласился Михаил.

Вопреки желанию глаза упорно косили на гладкие бедра по соседству, периодически выхватываемые пронесившимися мимо софитами фонарей. Правое лихо управлялось с педалями, а левое лениво развалилось, как сытый кот, словно бы в полудреме, но иногда упруго вздрагивая, будто заметив случайную мышь, с которой можно поиграть. Эти две сиявшие горки не давали покоя, но водительнице ничего сказать нельзя – ни пожурить за откровенную демонстрацию голых ног до самого, гм, в общем, до самого «гм», ни предложить прикрыться, мини-юбка других способов покрытия просто не предполагала. Тьфу, вот же словечко прилетело. Покрытие. Смыслом совсем не из терминологии современной сотовой связи, а из более древней, исконной, деревенской.

По щекам вплоть до ушей поползли горячие пятна. Михаил отвернулся, задействовав даже корпус. От резкого движения полы халата с чужого плеча, с трудом натянутые на колени, бесстыдно разъехались.

– Ого. – Девушка смешливо стрельнула взглядом. – Похоже, я подобрала незадачливого героя-любownika. Муж застукал?

Спасибо тебе, девушка, за великолепную идею, пригодится как версия, если по дороге еще кто-то увидит.

– Не то, чтобы муж... – Михаил вздрогнул, представив, как некто неизвестный так же выбирается из его (его!) дома, и этому некому столь же любезно помогают и сочувствуют. – Но удирать пришлось, да. Прости за непрезентабельный вид.

Он вздохнул, следствием вдоха стал треск – это вылетела нижняя пуговица. Бывший владелец халата вряд ли предполагал, что в него втиснут несоответствующие габариты. В колодце белого разреза открылась курчавая поросль, туда вновь, как ребенок к сгущенке, потянулось внимание соседки.

Прошиб невыносимый стыд. Но лучше перетерпеть ироничное поглядывание молодой нахалки, чем пробираться в непотребном виде через весь город. Михаил чуть приподнялся, и ткань халата, выдернутая из-под себя влево, с

запасом прикрыла всю видимую сторону.

– Меня зовут Михаил, – чуть было не добавив «Васильевич» (но почему-то не добавив), сказал он, чтобы что-то сказать.

Ведь надо о чем-то говорить. Или не надо? Может быть, обоюдный смущающий вид не предполагает светской беседы?

– Жанна, – прилетело в ответ жгуче-звонкое. Такое же чистое и журчаще-переливающееся, как сама девушка-видение, подарок несусветной ночи.

3

Взгляд волшебнo тушил последние окна, где еще теплилась жизнь, темнота на улицах становилась почти полной. Уставший город не обращал внимания на то, что происходило внутри. Уличные фонари косились на единственный автомобиль, мешавший погрузиться в тишину и покой, и на большее, чем облить желтой тусклостью, не расщедривались. Наступало время воров и мизантропов, причем ни те, ни другие на глаза старались не попадаться. Возникало ощущение ядерного постапокалипсиса. Одни на всей Земле. Михаил внутренне улыбнулся: а неплохо бы. В такой-то компании.

Машина замерла у не запятнанного совковостью подъезда с видеодомофоном.

– Приехали. – Девичий подбородок указал куда-то вверх. – Я здесь живу.

Шейка грациозно вытянулась, на ней пульсировала жилка. Чуть ниже охранявшими розу шипами выпирали две косточки, на живом нежном воротнике они напоминали петлицы армии, готовой сдаться понравившемуся противнику. Петлицы сходились у выемки, в которой взор тонул, как кораблик из бумаги в воронке ливневого стока. Почему-то вспомнились лунки для гольфа. И прочие лунки. В руки запросилась клюшка. Шумного выдоха сдержать не удалось. Моргнув, Михаил задрал голову вверх, куда указывала девушка.

Состоятельность владельцев квартир в этом доме лезла из всех отсутствующих щелей. Простому работяге в такой терем не попасть. Даже на экскурсию.

Сбоку раздалось доверительно:

– Герой анекдота – звучит круто, но выглядит забавно, а мужчина всегда должен быть на коне, особенно такой боевой. Давайте, я вам что-нибудь из вещей одолжу. Пойдемте.

В отворенную дверцу поочередно выставились крепкие ножки, полоса юбочки при этих движениях уехала к поясу. Вставая, девушка еще раз мелькнула белизной округлостей, в которых утонула сошедшая на нет кружевная ниточка. «Леща» бы ей за такие выкрутасы. Михаил снова моргнул и тоже вышел из машины. Подъездный зев отворился без привычного зубного скрежета, обдав не въевшимся сигаретно-туалетным дурманом, а свеженьким запахом стройиндустрии. Расползлись в стороны дверцы лифта с зеркалом в половину стены, и как-то само собой получилось, что Михаил с девушкой встали внутри вплотную. Ухоженная головка почти уткнулась в его широкую грудь, а страдающий без нижней пуговицы живот реально соприкоснулся с тем, что прекрасно просматривалось сверху.

Завораживающий вид влек и отталкивал. Обычно девичью кожу сравнивают с персиком, но сравнить с каким-то фруктом-овощем сиявшую перед глазами колдовскую ауру, которая только притворялась оболочкой из плоти и крови, значило обидеть ее до глубины души и прочего. Жанна с ног до головы состояла из соблазна. И только из него. Если мужчина еще мужчина, он чувствует такое сердцем и прочими мышцами, хоть как-то связанными с кровотоком.

Что за мысли в проклятую трезвую голову лезут. Женись Михаил на несколько лет раньше, дочь была бы старше ночной знакомой и уже могла бы подарить внуков.

В ответ на впитывающий взгляд вертихвостка только улыбнулась – по-общественно нахально и чуточку пакостливо. А в момент остановки лифта потеряла равновесие, и пластилиново-мягкие горы размазались по расплавившейся стене Михаила.

– Пойдем, – отлипая от него, выдохнула Жанна.

И ткнула еще раз, уже нарочно. С не меньшей результативностью. То есть, толчок был как бы приглашением... к выходу из лифта. Или все же?..

Никаких «все же». Михаил достаточно знал жизнь. Не такой уж он дар небес ни внешне, ни внутренне, чтобы с первого взгляда на него запала глупая молодая курочка. Петушков ее возраста в курятнике предостаточно – и красивее, и умнее, и перспективнее. Насчет последнего – в кого ни плюнь, попадешь в точку. Михаил пика несостоявшейся карьеры давно достиг. Оттого и пить начал. Впереди дорога только вниз. Все лучшее уже произошло, все пути пройдены, пора уступать место молодым.

Но как же не хочется...

Снова ему не дали довести закрученную в спираль мысль до логичного конца. Он чувствовал, что еще чуть-чуть, и обнаружил бы в разложенных по полочкам событиях какой-нибудь подвох или нестыковку. Но...

– Вот мы и прибыли.

На них глядела дверь под номером сто одиннадцать.

– Красивый номер, – отметил Михаил.

– Стараюсь, чтобы у меня все было красиво, – рассмеялась Жанна.

Она даже замки отпирала красиво – эротично выгнувшись, склонившись к замочной скважине головой и кокетливо выпятившись тугим задиком. А юбка, черт ее подери, – мини! Михаил кашлянул и вновь уставился на красивый номер.

«Стараюсь, чтобы у меня все было красиво». Тот редкий случай, когда слова не расходились с делом и во всем сопутствовал успех. Бывает же. У кого-то. Остается порадоваться, что хоть у кого-то бывает.

– У тебя получается, – процедил он.

Благодарное движение плечиком, оценившее незамысловатый, но искренний комплимент, скользнуло по его груди.

– Заходите, Михаил, не стесняйтесь, – прозвучало из осветившейся прихожей. – Сейчас подберем что-нибудь.

В квартиру он заходил как в раскрытую пасть крокодила, с теми же трепетом и опаской, с какими дрессировщик кладет голову в зубы зверя, которого считает в основном не способным сжать челюсть для смертельного исхода. Главное слово – «в основном».

– Да я не из стеснительных, – зачем-то начал он оправдываться.

Жанна с невольным смешком указала на его бесподобное одеяние.

– Я заметила.

Смеется? Пусть смеется. Он здесь не впечатление производить, а по делу. А для дела, кстати, без разницы, какие чувства он в странной девушке вызывает. И какие она в нем. И хватит заострять на этом ненужное внимание, а то древняя религия заостризм... или зороастризм, не важно, но она, в общем, тоже что-нибудь заострит, да так, что и до беды недалеко.

Михаил обвел взглядом дорогие хоромы. Роскошная мягкая мебель по центру, встроенные шкафы и прямоугольники дверей вдоль стен, дизайнерские светильники, напоминавшие кадры из фильмов про далекое будущее... А ваза в человеческий рост – видано ли? А телевизор размером больше окна? А картины на стенах, не очень похожие на репродукции? Н-да, из зажиточных эта фифочка. Михаилу до конца жизни на такую обстановку хребет гнуть. И то не факт. Мало того, не просто не факт, а до факта сделанному заключению как из Москвы до Сиднея на троллейбусе.

Кажется, Жанна живет одна. Судя по обстановке. Но спросить не помешает. Во избежание.

– Живешь, как вижу, не с родителями?

– Именно.

– Повезло. Большинство об этом мечтает.

Он умолк, глядя, как соблазнительная ночная ведьмочка по-хозяйски расправляется с туфлями, небрежным стряхиванием с ног отправляя их в угол, а с полочки появляются похожие на мягкие игрушки веселые тапочки. Но успокоиться, не прояснив ситуацию до конца, он не смог.

– А друг? Он не станет возражать против моего безобразного вторжения?

– Во-первых, вовсе не безобразного. – Пушистые отверстия проглотили ножки приглашающей стороны, и эта многовыпуклая в разные стороны сторона с невероятно ободряющей улыбкой протянула приглашаемой стороне пару обычных шлепанцев большого размера. – В том, что произошло, есть и моя вина. А во-вторых, нет никакого друга, я одна.

Одна? И так рискует – не боится среди ночи ввести неизвестного в небедное гнездышко?

– Вы, наверное, замерзли? – всполошилась юная хозяйка. – Сейчас чайник поставлю. Проходите, Михаил, ванная слева. Ополоснитесь. После моей подгазовки, уверяю, вам не помешает. Полотенце берите любое. Халат накиньте. Пожалуйста, заходите, не бойтесь, а я пока с делами закончу.

Он послушно вошел в шикарную ванную, ранее невообразимую даже во сне. Все было замечательно, все прекрасно, все сказочно. Неужели бывают такие отделочные материалы? Надо запомнить на будущее, вдруг руки дойдут нечто похожее дома сотворить.

Многое казалось непривычным. Например, внутри санузла не было ни защелки на двери, ни ширмы. Он слышал о такой моде, а столкнулся впервые. А если подумать, от кого запирается? Одна. Вот ведь. И так спокойно впустила приблудившегося по случаю постороннего. Наверное, видеонаблюдение включено, и неподалеку охрана не дремлет. Или девица настолько доверяет людям? Или – именно ему, который ей чем-то понравился?

Да о чем он опять, взрослый женатый человек, думает?

А о том, что незапираемая изнутри дверь вдруг откроется...

Брысь, негодные мысли, и без вас тошно.

Полилась вода, Михаил избавился, наконец, от медицинского халата, пострадавшего в борьбе с человеческой глупостью, и под струей кипятка ладони взялись отдраивать подмерзшую кожу.

Вчера с друзьями он, конечно, перебрал. В последнее время перебор почему-то происходил все чаще. А все тоска по потерянной молодости и несбывшимся надеждам.

Жизнь остановилась. Когда-то он мечтал. Теперь – вспоминает. Когда-то жаждал перевернуть мир. Теперь мир переворачивает его по собственному разумению. Дети подрастают, жилье имеется, машина даже в планах не светит, перспектив никаких. Стена. Лоб уперся в нее, а жизнь понеслась дальше. А он, Михаил, весь из себя хороший, правильный и порядочный, остался. Чем еще успокоить душу, которая зудит и чешется?

Такие дела. Но вчера, похоже, переоценил возможности, иначе каким образом оказался в морге? И почему наши доблестные медики не заметили, что он еще жив?

Еще жив. Вот ведь сказалось. Как там некоторые чиновники пенсионный возраст именуют – период доживания или дожития? Вот-вот. И пусть Михаил еще не пенсионер, но под указанное определение уже прекрасно подпадает.

Дожитие...

Как же хочется жить, а не доживать.

Ступни утопали в пушистом коврикe, полотенце по нежности могло сравниться с лаской невесты, от него исходил запах чего-то цветочного и отвлеченно-чувственного. Но призрачный аромат быстро развеивался, могучее амбре от полочки под зеркалом напрочь забивало прочее. Таким ассортиментом баночек, тюбиков и флаконов не всякий магазин похвастается. Длинная французская ванна, для впихивания которой в помещение строителям пришлось выдолбить часть стены, предлагала насладиться гидромассажем, но Михаил обошелся душем. Когда мылся, на уровне глаз оказалась подпотолочная сушилка с развешанными носочками и трусиками. На невиданной стиральной машине лежала стопка футболок и, опять же, трусиков (ох уж эти девчонки...), а единственный халат оказался, естественно, тоже девичьим, даже до колен не достал. Усмехнувшись, что шило на мыло сменил, Михаил подпоясался, взгляд критически обожеал неказистую фигуру и заросшую щетиной физиономию, отразившиеся в категорически отказывавшемся запотевать зеркале. Кстати, мелочь, а приятно, очень удобно в сырых помещениях. Почему такие не продают повсеместно? Он бы домой купил. Но... вопрос цены. За деньги, которые могут попросить за мелкое повышение комфорта, можно пожизненно нанять человека. С зеркалом, возможно, все не так плохо, но на других технических причудах обжигаться уже приходилось.

Стук захлопнувшейся за ним двери нарушил тишину квартиры, из спальни на звук выглянула хозяйка, ее встревоженные глаза, увидев облаченного в халат Михаила, успокоились и потеплели. Жанна успела сменить кофточку на футболку, темные локоны с вечно сбивавшейся челкой превратились в хвостик. Бюстиком Жанна не пользовалась, и ей шло. Надпись на футболке восклицала что-то по-иностранному. Или призывала к чему-то. Языков Михаил не знал. Из всего англоязычного прочесть получалось только несколько матерных слов, знакомых по заборам. В наборах букв, которые расползлись по атакующему фронту Жанны, известных сочетаний не было.

– Не боишься незнакомцев в такой дом приглашать? – Надо бы образумить беззаботную пигалицу. – Люди разные бывают.

Его смерил пристальный взгляд. Будь на столе закуска, таким взглядом можно бутерброды нарезать.

– А что, – со странным задором усмехнулась Жанна, – собираетесь меня изнасиловать?

Негодница. Ей опытный зрелый человек, годящийся почти в деда, достойный совет дает, а у нее на уме все хихоньки да хахоньки.

– Я – нет, но другие...

– Других я сюда не вожу. – Лукаво прищурившись, Жанна вильнула одновременно телом и темой и направилась в кухню. – Вам чай или кофе? Или?..

Он понял мгновенно.

– Или. Чуть-чуть.

Вот чего ему сейчас не хватало. Молодец, девчонка. Понимает, чего душа просит.

– Хорошо. А я тогда – винца, за компанию.

Кухня соответствовала остальной квартире. Как и хозяйке.

Подставив стул, Жанна полезла в навесной кухонный шкафчик. Она опасно балансировала и так сильно покачивалась, что Михаилу хотелось броситься на помощь, чтобы подхватить в момент возможного падения... или чуть раньше. Но он сдержался. А она не упала.

Девичьими стараниями на добротном столе нарисовался пейзаж из двух бутылок и пары бокалов.

– Присаживайтесь. И не переживайте за меня.

Пальцы сразу цапнули долгожданную белую емкость. Михаил все же пересилил позыв, отнял руку и сначала налил белого вина партнерше по церемонии. Затем из другой бутылки плеснул себе. Гм, плеснул – не то слово. Налил. До краев.

– Жизнь наша – замкнутый круг, – завел он один из привычных тостов, – живешь – выпить хочется, выпил – жить хочется...

Сидевшая напротив девица с кислой миной улыбнулась, для нее жизнь была чем-то другим. Скорее всего, казалась бесконечной дорогой вверх, сияющей, чувственной и волшебной. Михаилу тоже когда-то казалось так. В ее возрасте.

Жанна исправила ситуацию, приведя к взаимоприемлемому общему знаменателю.

– За знакомство? – сказала она.

Капкан тонких пальцев не клацнул, не сжался, даже не обнял, а любовно принял в себя хрустальную ножку, утонувшую в жарком плену, и скосившиеся на жидкость глаза горели столь же невыразимой страстью, как и сотворенный жест, и вся поза. Если любви к жизни понадобится фотография на паспорт, теперь Михаил знал, с кого ее делать.

Бокалы поднялись и на краткий миг соприкоснулись. Животворная влага потекла по пищеводу, даря ощущение счастья.

– Учишься? – Выдохнув, Михаил поставил опустевший бокал на стол.

Работать красотулечке, судя по возрасту, рановато.

– Угу, – беззаботно кивнула она. – А то все твердят, что я красивая... Кстати, не врут ли?

Собеседница приняла позу фотомодели из мужского журнала, верх выпятился, низ аппетитно оттопырился. До сих пор Жанна олицетворяла искушение, теперь – животный зов. Михаил поперхнулся.

– Н-нет, – выдавил он, – не врут.

Чужие наглые прелести пялились на него не менее откровенно, чем он на них.

– Вот. – В продолжение темы лучистые глазки Жанны, умевшие без привлечения посторонних предметов превращать мужчин в фарш, печально опустились. – А хочется быть умной.

Михаил прокашлялся.

– Похвальное желание.

– Одобряете? И не считаете, что женщине нужно быть очаровательной пустышкой, которая создана исключительно для убления?

Интересный поворот разговора. С какой из версий не согласишься, все равно в выигрыше: к одному собеседница стремится, а вторым является. И малолетняя чертовка знает это, поскольку умело использует.

Вспомнилась супруга. Сейчас она, должно быть, оплакивает его, утешая детей. Хотя, каких детей? На отдыхе они все, благодаря нежданному подарку небедного шурина. За границу на месяц отправлены, в пику ему, Михаилу, намеревавшемуся привлечь мелюзгу к работам на огороде. В очередной раз крутизну свою родственничек показал, хотя на десяток лет младше. Ну да пусть себе, лишь бы дети хорошо отдохнули.

– Женщине можно быть любой, – объявил Михаил. – Мужчины все равно оценят по достоинству, каким бы ни было это достоинство.

Жанна хихикнула.

– Я сказал что-то смешное?

– В обратном прочтении у вашей мысли совсем другой смысл.

– Не понял.

– Ну, если перевернуть фразу, поменяв женщин и мужчин. Получилось бы: «Мужчине можно быть любимым. Женщины все равно оценят его по достоинству, каким бы ни было это достоинство».

Смех в полный голос заставил улыбнуться и Михаила, хотя ничего остроумного в переводе разговора в нижнюю плоскость не было.

Жанна вдруг посерьезнела.

- Вы женаты?

Вот и произнесено долго и старательно обходимое. Пора, наконец, расставить все галочки над имеющимися и-краткими.

- Да.

- Она ждет сейчас?

Прежде чем ответить, Михаил долго смотрел в одну точку, в которой Жанна ничего любопытного и глубокомысленного не видела.

- Я думаю, она меня похоронила.

- Вот как? - Собеседница не стала влезать в подробности и в образовавшейся тишине вновь подлила в свой бокал. А Михаил, по ее примеру, в свой.

- За жизнь! - провозгласил он тост.

- За надежду! - прибавила Жанна.

После того как звонко чокнулись, она вновь только пригубила, наблюдая, как содержимое второй емкости исчезает в закаленных недрах.

- Вы где работаете? - начала Жанна новую тему.

- В типографии.

- Кем?

Настырная.

- Печатником.

- И что же, мечтали именно об этом?

Умные глазки жгли самолюбие, как адова сковорода ляжки грешников. Обидно, что в отношении Михаила правда была бы на стороне сковородок, но всей правды жизни юному созданию знать пока необязательно. Или рискнуть? Нужно же выговориться, а ничего лучше случайного собеседника, которого вряд ли еще увидишь, не придумать. Можно сказать, повезло.

– Понимаешь, девочка, – снисходительно и печально вымолвил Михаил, принимая в руки бокал и сквозь него глядя на партнершу по приятному времяпровождению. – Если мечта не сбывается, ее уценивают. С возрастом уценки происходят все чаще, мечты мельчают и постепенно принимают форму того, чего удалось добиться. Достигнутый компромисс называется счастьем.

Бокал дзинькнул двумястами граммами радости о стоявшее на столе белое полусладкое.

– За счастье! – прискорбно произнес Михаил и, скривившись, выпил.

– И это вы называете счастьем? – Жанна осторожно взяла его за руку, нежные пальчики погладили трудовую ладонь. – Сколько вам лет, Михаил?

Ее взгляд скользнул по безымянному пальцу с отсутствующим кольцом. Михаилу стало немного стыдно, но пусть будет, как будет. Положимся на течение жизни и волю случая – куда выведет. Ведь куда-то выведет?

– Сорок пять, – хмуро ответил он. – А тебе?

– Двадцать.

– Совсем девчонка.

– Не скажите. Некоторые утверждают, что уже старуха. Вам, мужикам, в этом плане – раздолье, с возрастом только дорожаете. У нас наоборот. По-моему, такое положение вещей жутко несправедливо по отношению к нам. Мы, женщины, быстро теряем красоту и, мгновенно вслед за тем, вашу любовь.

– Неправда.

– Тогда представим, что прошло лет, скажем, дцать. Вот перед вами будущая я: страшная, толстая, обвисшая, морщинистая... А вы – по-прежнему поджарый красавчик и соблазнитель.

– Глупости.

– Я говорю – допустим. Ведь бывает?

Михаил вздохнул.

– Бывает.

– Вот. – Жанна понизила голос. – Я на такого с вожделием смотреть буду, а вы на ту меня, – ее руки обрисовали вокруг собственной талии нечто невразумительное, – уже нет. На ту меня вы вообще смотреть не будете.

– Неправда.

Вспомнилась округлившаяся с годами Наташа, ничуть не растерявшая чувственной привлекательности и способностей увлечь в чудесный мир удовольствий. Жена и сейчас оставалась единственной женщиной, которая ему нужна. Которую он по-настоящему хотел душой и телом. Которая была для него всем.

Черт возьми. А он в нелепом халате сидит с мелковозрастной озорницей, да еще всякие мысли в отношении нее допускает.

– Неправда, – повторил он уверенно. – Буду.

– Что будете? Только смотреть? – съехидничала Жанна.

– Все буду, – отшил он общефилософские нападки, перешедшие в частности. – И смотреть, и не смотреть. И жадно пользоваться имеющимся достоинством. Но с одним условием. Если именно ты будешь тем единственным человеком, который мне необходим в этой жизни.

– Имеете в виду... Вы верите в любовь? – На него раскрылись два ярких цветка ресниц.

– Мало того. Я влюблен.

– В кого? В ту, от которой сбежали без штанов?

– Нет. Ты удивишься, но – в жену.

– Серьезный случай. – Шутливо покачав головой, Жанна привстала и снова налила в бокалы. – Тогда – за любовь?

– За любовь! – с радостью подхватил порядком повеселевший Михаил. Выговорившись, он нашел ответ для самого себя, и организм ощутил небывалый прилив сил.

– И все равно. – Отставив ополовиненный бокал, Жанна задумалась. – Не понимаю, почему обычно спиваются мужчины, а не женщины. Последнее было бы логичнее. Но нет, суетятся, чем-то себя занимают, руки не опускают. А мужики... Тьфу. Безвольные тюфяки, которых ломает случайный сквознячок из форточки. Если бы я не видела вас бегающим от погони в халате с чужого плеча... Как сказал Моруа: «Старость начинается в тот день, когда умирает отвага». Ненавижу слабаков, которые садятся на женскую шею и плачут, что жизнь не удалась, а сами ни на что не годны. Здорово, что вы не такой.

Михаил собрался с горечью признать, что он именно такой, уже много лет безвольный и слабохарактерный, уставший от пинков судьбы и не верящий в возможность большего... но в глазах почему-то поплыли мутные пятна, а язык отказался повиноваться. Мысль потерялась в дебрях других колючих мыслей, мгновенно выросших из ниоткуда, причем одновременно.

P

.

S

Донесение №1:

Старт операции «Сорняк». Прошу не вмешиваться до оговоренного сигнала или особых обстоятельств. Тихоня.

Часть вторая

Уже все было сказано, и надо было уходить, но она не уходила.

М.Зощенко «Повесть о разуме»

Когда дела идут хорошо, что-то должно случиться в самом ближайшем будущем.

Второй закон Чизхолма

***

– Не терять из виду! Неимоверное количество сил вложено, задействовано столько людей и знакомств...

– Свобода выбора – жуткая штука. А если объект не догадается, каких шагов от него ждут? Вдруг придумает что-то свое?

– Этот? Шутишь?

– Скажешь, такого не бывает?

– Еще как бывает. Для того и следим.

- Значит, ты уверен, что он непременно выберет один из заготовленных вариантов?

- Зуб не дам. Если что-то пойдет вразрез с планом, по ходу подстроимся.

- Но план-то – примерный. Муть, жуть и чушь вперемешку. Цель не ясна. Даже направление не просматривается.

- И что? Работа такая.

Помолчали.

- Ему деваться некуда. И там, и дома мы его встретим.

- А если к кому-то из друзей подастся?

- Друзей у него в этом районе нет.

- Чтобы у пьющего человека в родном городе да где-то друзей не нашлось?!

- Досье говорит, что нет.

- А если на частнике умотает?

- Ты бы повез голого и без денег?

- Но все же? Всего не предусмотрить.

- Согласен. В таком случае переиграем события в другом порядке. Пусть сначала загремит в обезьянник.

- Интересно, кто заказчик.

- Может, как говаривал незабвенный предшественник на этой доходной стезе, тебе еще ключ от квартиры, где деньги лежат? Тихо! Приходит в себя.

Знакомый потолок. Не домашний. И не...

Еж твою каракатицу! Снова морг?! Михаил настолько резко поднял корпус и свесил ноги, что каталка под ним отъехала в сторону. Вокруг опять никого не было. Только рядом, на соседнем колесном столике, лежал труп. Настоящий. Бледный, противный, жуткий. А где-то неподалеку беседовали невидимые мужские голоса:

- Готово?

- Еще два за стенкой.

- Отлично. Заканчивай с этим. Я перекушу, потом теми займемся. Сейчас за почками приедут. Сколько нам сегодня перепадет?

- Погоди, скалькулирую. Три свежих жмура в хорошем состоянии, у каждого по...

Ноги хоть и затекли от неподвижности, но подняли Михаила быстрее, чем мощная пружина. Он спрыгнул и осторожно выглянул за дверь.

Никого. Разговор доносился из отгороженного тонкой стенкой соседнего помещения, а коридор был свободен.

Что за морг такой? Или не совсем морг? Или...

На большее, чем приватизированный морг на самокупаемости или секретное отделение больницы, где ради изъятия органов убивают людей, воображения не хватило. Но и того, что привиделось, оказалось достаточно. На этот раз ничего, чтобы прикрыться, не нашлось, и Михаил как был, нагишом, бросился по коридору к знакомому окну. Когда оно со скрипом открылось, из боковых дверей выскочили среагировавшие на шум сотрудники.

От забрызганных кровью халатов засосало под ложечкой. Михаил сиганул наружу. В очередную ночь. Да, опять ночь. Невезуха. Хотя... как посмотреть. Появись он в нынешнем виде из окна некоего медицинского учреждения днем – далеко бы убежал?

Высота небольшая, но удар голых пяток о землю пронзил болью. Михаил отпрыгнул в свободную сторону и, прихрамывая, понесся вдаль.

Загрохотал приближающийся топот, гнались нескольких человек.

– Стой! По-хорошему говорим! Кто не проследил?! Уволю!

Преследователей не удивило, что труп сбежал. По спине пробежал нехороший холодок. Похоже, не все, кто обзаводился номерком на ноге, прибывали мертвыми, скажем так, на сто процентов. Здесь об этом знали.

Осознание жуткого будущего, к которому готовили Михаила, прибавило ему сил.

– Почему объект не в отключке, наркоза пожалели?! Денег не хватает?! По миру пуцу! – неслось сзади. – Головы поснимаю! Из оплаты вычту!..

Главный крикун нещадно отставал, зато остальные старались. Особенно подстегнул материальный стимул.

В этом районе города Михаилу давно не доводилось бывать, он даже вспомнить не мог, что здесь было раньше. И некогда было вспоминать. Глаза видели несколько зданий неизвестного назначения, вокруг – нечто среднее между пустырем, заросшим и загаженным, и приусадебной территорией заведения, размеры которого пока трудно было определить. Ограды не было. Близлежащие темные корпуса казались заброшенными, туда вела аллея из деревьев. Несмотря на ночь и видимость заброшенности, навстречу попало несколько человек. Работники сей небогоугодной конторы? Героев среди встречных не нашлось, все однотипно шарахнулись при виде несущегося вперед голого мужика, которого преследовали санитары. Машин на убитой гравийке не было, район пустовал. Ну и местечко.

Вроде бы центр, но по периметру – ни жилых домов, ни офисов, ни контор. Впереди ясно просматривалось заросшее колючками пространство. Голому его не пересечь. Под прикрытием темноты Михаил припустил в ближайшую тень от здания. Ночная тень скрывала лучше шапки-невидимки, но не от толпы преследователей. Хотелось спрятаться, залечь, отдышаться... Раздававшийся сзади топот гнал глупые мысли. Спасти могла только скорость. Ступни уже разбиты в кровь, полны заноз и ссадин. Не важно. Жить! За строениями в ноги бросилась перемежаемая кустами и деревьями зелень. Это обрадовало. За стеной древних лип пролегла дорога, ведущая из центра в частный сектор, она уже не относилась к логову живодеров.

Обочина вдруг выступила в роли магического круга: на чужой территории кровавые монстры то ли теряли силу, то ли должны были самоликвидироваться, то ли еще черт знает что (возможно, они боялись крестного знамения ордером на арест). Когда преследователи достигли лужи, где вчера Михаил помог девушке, они остановились. Не все. Один продолжил погоню. Наверное, полукровка, если продолжить сравнение с нечистью. Или алчность выиграла спор у инстинкта самосохранения.

Беглец и догоняющий миновали улочку, их окружили труппы деревянных халуп и покосившегося штакетника. Из-за каждой оградки рвались с цепей обрадовавшиеся веселью псы. Окна пугали тьмой и скрытыми за ними возможными неприятностями, уличное освещение отсутствовало как явление. Отличная декорация для фильма ужасов. Натуру даже выбирать не надо, снимай любой дом с любого ракурса, и зритель ужаснется. Запах гнили и сгоревшего мяса на чьих-то вчерашних шашлыках добавляли натурализма. Путь оставался только вперед.

Злобно-восторженный лай усиливался, к ночной потехе подключились едва ли не все собаки города. Подгоняемый наступавшей на пятки погоней Михаил через пару кварталов выскочил в соседний район. Словно машину времени включили: из кровавой мистики девятнадцатого столетия – напрямик в цивилизацию века двадцать первого. Дорожки блестят помытой тротуарной плиткой, бордюры побелены, трава на газонах подстрижена. Под ногами идеальный асфальт.

Не цветные многоквартирные коробки привлекли взгляд, а то, что обрамляло путь. Слева – глухой забор чьей-то охраняемой территории. Справа высились недоразобранные строительные леса, они перекрывали проход между двумя фасадами зданий, находившихся на этапе отделки. Михаил нырнул туда, в

могучую черноту тени.

Преследователь не отставал. Однако, здесь, в крошечной тьме, он лишился преимущества. Свет мощных ламп с улицы падал сзади, и хребты наваленных стройматериалов выглядели противотанковыми заграждениями: стены, доты, ямы, баррикады из чего-то вроде стальных ежей. Внутри мог спрятаться полк. Мотострелковый. Вместе с техникой и поддерживающей авиацией. Последняя, видимо, уже приземлилась, причем вертикально, чем произвела соответствующие разрушения.

Михаил втиснулся в одну из ниш и замер. Дрожащие пальцы подобрали с пола обрезок арматуры, сердце приняло грудную клетку за боксерскую грушу, внутри организма стало тесно до невыносимости. И жарко. И сухо. И больно.

Дальше не убежать, нет сил. Сейчас все решится.

Над буреломом застыло грозное пятно. Тень прислушивавшегося преследователя нависла почти над самой нишей. Она опасно и сосредоточенно покачалась из стороны в сторону, но двинуться в неизвестность не решилась. Михаил задержал дыхание. Сознание проклинали предательские удары изнутри.

Незнакомец выбрал не рисковать. Отступив в полосу света, он чертыхнулся, тихий голос просипел:

- Ну, попадись еще... Выпотрошу. Обещаю.

Силуэт в освещенном проеме, похожий на изображение святого внутри сияющего нимба, исчез.

Нервы не железные, а организм иссяк и выдохся, как проколотый бурдюк с вином. Михаил разрешил себе выдохнуть и тут же упал в одышке, закашлявшись так, будто наглотался напалма. Сердце взрывалось. Гортань выжигалась горячей сухостью, забывшие о тренировках мышцы трещали, ныли и грозились лопнуть. Когда он последний раз так напрягался? Лет десять назад? А регулярно? Вообще двадцать, даже двадцать пять. В армии. С тех пор жил себе припеваючи, в ус не дул.

Пробил истерический смех, когда перед глазами возникла картинка с видом, как он поет и в ус дует. Колени постыдно дрожали. Одновременно хотелось смеяться и плакать.

Все. Все кончилось. Все кончилось хорошо. Нужно успокоиться и решить, что делать дальше. Как пробираться в свой район. И понять, что, вообще, происходит.

Сколько прошло времени с момента отключки – неизвестно. Судя по темноте и отсутствию людей под тусклым светом фонарей, уже поздняя ночь. Та же самая или следующая? Или... может быть, он долго пролежал в клинической смерти, если его опять доставили в морг?

Осторожное выглядывание убедило: рядом никого нет. Михаил направился в другую от морга сторону, продираясь через сваленные доски и буераки. Перед выходом на освещенное пространство он разорвал по шву подобранный пластиковый пакет с цветочками, полученное полотнище прикрыло бедра. Какая-никакая, а одежда. Ну, видимость одежды. Для начала сойдет. Придерживая псевдоодеяние руками, он двинулся вперед.

Перед глазами высилась знакомая по последнему воспоминанию элитная многоэтажка.

Домой отменяется. Сюда. Здесь расскажут, что случилось.

Михаил прятался от случайных прохожих между припаркованных машин или за деревья, короткие перебежки от одной тени к другой упорно вели его к цели. Хорошо, что ночь. Если бы тени были от солнца, а не от уставших от жизни фонарей, ему бы не поздоровилось. Еще триста метров. Еще сто. Еще пятьдесят...

2

У бордюра перед подъездом дремала та самая машина. Значит, Жанна дома.

Ждать, пока выйдет? А вдруг не одна? Вдруг испугается человека в наряде аборигена, вышедшего на тропу войны с отходами цивилизации? Крик поднимет. Лучше самому. Михаил выбрал момент, и его нелепая фигура, чья еще более нелепая тень от наддверной лампочки за несколько метров уменьшилась от бесконечности до незаметности, прокралась к видеодомофону. Номер квартиры... хорошо, что поговорили по этому поводу. Пик-пик-пик – три единицы. Вызов. Зуммер. И – блаженство. Сквозь металлическую решеточку на динамике прошелестело:

– Кто там?

– Жанна?

– Кто это?

– Прости, пожалуйста. Это... Михаил.

– Михаил?! – в голосе сквозило недоверие. – Ты жив?

От нахлынувших эмоций Жанна обратилась к нему на ты. В прошлый раз до этого, кажется, не дошло. Или...

На лбу стало липко от пота.

– Как видишь. – Михаил нервно помахал рукой в зрачок видеокамеры.

Теперь он сомневаться во всем. И в том, что было раньше, и сейчас, и вообще.

Голос из стального ящичка произнес:

– В призраков я не верю... Это действительно ты. Почему опять в таком виде? Снова амурная история, приключений не хватило?

– Я пришел по тому же поводу.

– В каком смысле?

– Узнать.

– Подожди... – Жанна отвлеклась на что-то, и через некоторое время раздалось желанное: – Поднимайся, поговорим здесь.

Ракета чудо-лифта вознесла, позволив не пересечься ни с кем из соседей. Тоже счастье. При виде Михаила они сподобились бы вызвать полицию или скорую психиатрическую помощь.

Жанна встретила его в открытых дверях. На ней был запахнут халатик, в котором ее благодеяниями недавно щеголял Михаил. Ножки погружены в пушистые тапочки. И никакой косметики. В глазах, направленных в его переносицу – испуг и любопытство.

– Ты же умер?

Он взял ее маленькую ручку в свою.

– Я столь бесплотен?

– А врачи диагностировали смерть.

Жанна посмотрела на исхлестанное ветками тело, в районе бедер завернутое в полиэтилен. Придерживаемые одной рукой, чтобы не свалиться, красочные цветочки радовали глаз, но не грели. Понятно, что не зная она Михаила раньше, близко бы к порогу не подпустила.

– Какие врачи? – Он запнулся и вскинул незанятую поддержкой «одежды» руку в останавливающим жесте: – Стоп. Можно по порядку, с того момента, как мы выпили за любовь, и я потерял сознание?

– Войди для начала, а то соседей всполошишь. – Сонная фигурка подалась в сторонку. – В такое время нормальные люди спать изволят.

– Прости. – Михаил резко понизил голос. – Ты одна?

С этого надо было начинать, но Михаилу в очередной раз повезло, в ответ так же тихо упало:

- Одна.

Дверь затворилась.

Когда кровоточащие ноги, вытертые о половичок, вделись в те же вчерашние тапки, глаза обежали квартиру. Ничего не изменилось. Михаила окружали прежние шик, блеск и окончательно согнавшая с себя сон красота по имени Жанна, сообщившая:

- Мы разговаривали, ты упал. Я решила, что ты перепил, и попыталась втащить тебя на диван, но у тебя остановилось сердце! Я вызвала «Скорую», врачи констатировали смерть.

- От чего?

- Сказали, отравление некачественным алкоголем.

- Некачественным? - Михаил покосился на кухонный шкафчик со злополучным питьем.

- Не смотри так, это стандартная формулировка, чтобы с анализами не возиться.

Глубокие глаза Жанны стали темными, она насупилась, сжавшиеся губы выглядели злобным оскалом. Даже красивые конусы под халатом, которыми недавно любовался взор, обратились в несущие смерть тараны.

- Ясно. - Последовавший за этим вздох показал собеседнице, что Михаил никакой не мститель, пришедший за кровью, а несчастный страдалец.

Личина монстра-убийцы, примененная Жанной в качестве защиты, сменилась жалостью:

- Слушай, если второй раз повторяется одно и то же... Может, у тебя аллергия на что-то? Например, на спиртное. Сейчас люди так питаются, что у каждого

найдется какая-нибудь непереносимость.

– Болезни в моем организме уничтожены главным природным лекарством. Никаких аллергий. Тем более, на спиртное. Даже как вариант не рассматривается.

Категоричность ответа подтвердили поза и взгляд.

– А ты не думал ... – Жанна умолкла на миг, белые зубки пожевали губу. – Может быть, тебе вообще нельзя пить? Как тебе такое объяснение?

Как? Логично, как многое в жизни. Прошное пробуждение тоже было в морге. Тоже после бурного застолья. Здесь явно что-то наклеывается.

Логику можно найти во всем, ну нужно ли? Журнал «Наука и жизнь» однажды сообщил, что девяносто девять процентов умерших от рака при жизни ели огурцы. Вывод о природе рака, весьма логичный, напрашивался сам собой, но кто назовет его правдой?

– Народ говорит, что в России один показатель здоровья: можно пить или нельзя пить, – отделался шуткой Михаил. – Что было после того, как я отключился?

– Хочешь сказать – умер.

– Пусть так, – не стал он спорить с очевидным для посторонних фактом.

– Тебя накрыли простыней и, как дрова, уволокли на носилках. Прошли сутки, и ты снова являешься с того света. И как там? Расскажешь?

– Там нормально. И запасные части высоко ценятся.

– Что?

Он болезненно поморщился и отмахнулся. Итак, прошли сутки. От смерти до смерти. От морга до морга. Михаил поднял ноющую от боли ногу: в ступне торчала огромная заноза. Прислонившись к косяку, он осторожно вытаскивал причину неприятностей и рыскнул глазами по сторонам – куда бы положить?

– Дай, выброшу. – Жанна кончиками пальцев приняла окровавленную щепку. – Иди в душ, а я придумаю что-нибудь с одеждой.

Вот это дело. Но сначала...

– Можно попить? – попросил он.

– Чего?

– Да хоть воды из-под крана, только побольше!

Конечно, душа просила чего-то покрепче, но пришлось сдержаться.

Воды Жанна не пожалела. Когда огонь внутри организма погас, опорожненная сувенирная кружка объемом под литр вернулась на стол, Михаил некстати икнул, извинился и скрылся в ванной.

Израненное тело превратилось в выполненный ножом по холсту рисунок ребенка.

– Йод и бинт принести? – донеслось с той стороны двери. – Или пластырь?

– Не сейчас.

Кого Жанна видела в нем? Вчерашний спаситель второй раз возник в невообразимом облике. Судьба била по заду и по голове – он изворачивался, удирал и жил себе дальше. Михаил был из поколения, много пережившего из-за событий в стране и мире и страдавшего от единственного недуга – излишней тяги к уходу от реальности в душевность призрачного бытия. Страдал и он. Возможно, Михаил многого бы достиг, если бы не решил, что теориям о возрастных кризисах нужно верить. Мужчины созданы для войны, их дело побеждать. Когда (вариант: если) победили – удерживать завоеванное. Но стоит решить для себя, что ты больше не участник боевых действий в войне за счастье, тогда – все.

Очищающий водопад глушил звуки, мысли стекали вместе с грязью, и через минуту Михаила вынесло за пределы мира, вернув в материнское лоно, где он растворился в счастливом отрешении и неведении.

Счастье омовения было долгим и прекрасным. Простая радость – и такой оживляющий эффект. Давно подмечено: чем проще радость, тем она приятнее. Мир принадлежал любителям простых радостей, остальным приходилось подстраиваться и делать вид, что они такие же. Или что хотя бы понимают, о чем речь. Жалко непростых.

Михаил перекрыл воду. Прекратившийся шум словно подал знак, дверь бесцеремонно распахнулась.

– Вот, возьми запасной халат. – Жанна совершенно не стеснялась чужого мужчины, перешагивающего бортик ванны во всем древнегреческом великолепии.

Про великолепие – это, конечно же, к слову. Погрубевше-разжиженный Аполлон – тоже Аполлон, но возраст, как вчера верно заметила Жанна, меняет людей. И, вопреки ее мнению, не только женщин. На Аполлонов, как и на Афродит, любят глядеть в расцвете лет, потом они превращаются в Вакхов и сатиров.

Михаила смерил оценивающий взгляд:

– Не знаю, что еще предложить. В мои вещи ты не влезешь.

Это точно. Миниатюрное холмистое тельце хозяйки было раза в два тоньше и на голову ниже.

– Спасибо. – Михаил потянулся за одеянием.

Когда он запахивался, чужие плутовские глаза разглядывали его намечающийся животик.

– Вижу, спортом занимаешься.

Причем здесь спорт? Ах, вот в чем дело. Соответствие размера и возраста. Точнее, несоответствие. По сравнению с ровесниками живот Михаила не выглядел пузом. Но если сравнивать с одногодками новой приятельницы...

А не надо сравнивать. Судя по тону, высказанное – скорее комплимент, чем укол.

С другой стороны, откуда Жанна знает про размеры животов его ровесников?

– Угу, – произнес Михаил, недовольный как разглядыванием, так и выводами. – Особенно сегодня.

– А что сегодня?

– Сбежал из ада.

– Из з... – Полное лукавства личико отвернулось, глаза указующе скосились на кокетливо отставленный собственный тыл.

Ребенок. Дитя, которое притворяется взрослым. Михаил через эту шутку прошел лет сорок назад.

– В каком-то смысле можно сказать и так. – Натужно выдвленная улыбка вышла кривой. – Но лучше оставить в моей редакции.

– Из преисподней? И как там, горячо?

– Очень.

– Заметно. Оттого ты ведро воды выхлебал.

– Зато теперь уж точно возьмусь за себя, – дал себе слово Михаил, чужим присутствием заверяя клятву как нотариальной печатью.

Взяться стоило непременно. Работа печатником хоть и связана с движениями, но восемь часов хождений вокруг четырехцветного «Гейдельберга», занимавшего половину типографского цеха, спортом можно назвать с натяжкой. Потому что...

вдруг все только начинается?

Одобрительный взор еще раз окинул его фигуру, и завуалированный комплимент повторился прямым текстом:

- Другие в твои годы пузо на тележках возят.

Упоминание «других в его годы» снова резануло по сердцу, но углубляться в тему было противно. И не нужно. В одном случае настроение испортится у Михаила, в другом – у Жанны, если все окажется не столь плохо, как он себе насочинял.

Жаркое содержимое халатика посторонилось, давая дорогу.

- Пойдем, лечить буду.

- Само заживет, – буркнул Михаил. Затянув на поясе узел, он пригладил ладонью поредевшую с возрастом шевелюру. Пусть не принц на белой кляче, а на роль короля в изгнании еще сгодится. – Как на собаке.

- Так и знала, что все вы кобели, – смешливо упало в ответ.

- Не надо продолжать собачью тему, в ответ могу обидеть.

- Меня? Такую хорошую, пригожую и всю из себя замечательную? – Выйдя следом, Жанна по-детски прокрутилась по комнате перед Михаилом. – Не получится. – Она остановилась, взгляд полыхнул непредставимым в такой милашке огнем. – Я ведь не только тявкать, я и кусаться умею.

В это верилось. Было в раскрепощенной проказнице что-то одновременно волчье и лисье. Острые зубы и хитрые глазки. Связываться с ней глупо и опасно. В то же время, все в ночной квартире подталкивало к по-современному очень логичным, но неправильным действиям. К событиям, которых Михаил не собирался допускать.

- Значит, сам свои раны залижешь, кобель? – бросила Жанна с явным желанием уколоть.

Михаил еще раз осмотрел промытые водой, но не обеззараженные ноющие ранки. И согласился.

– Только быстро.

– Так бы сразу. – Жанна потянулась к приготовленному пузырьку перекиси водорода. – Будто я тут для себя стараюсь. Садись.

Центр гостиной занимала мягкая мебель, Жанна толкнула Михаила на диван, уложила, сама села ближе к дальней боковине. Его вытянутые ноги разместились на ее нежных коленях, Жанна занялась его ранами. От ласковых прикосновений, охлаждающих, но таких желанных, он таял. И вздрагивал от неожиданно-резких.

– Откуда сбежал на этот раз, герой-любовничек? Мистической мутью зубы мне больше не заговаривай, я люблю конкретику.

– Из морга, – признался Михаил, душой летая в небесах, ногами находясь в руках у добровольной помощницы, а мыслями стараясь не сорваться.

– Ого. Уверен?

– Или из чего-то похожего. Возможно, из больницы, предназначенной для таких уродов как я.

– Зачем ты так?.. – обиделась за него Жанна.

Влажная ваточка почти с любовью промакивала ранки, а пару глубоких порезов залепил бактерицидный пластырь.

– Потому что урод и есть. – Михаил скривился. – Кто еще оставит налаженную жизнь, которую строил год за годом, чтобы пить вусмерть и ночами по чужим квартирам слоняться?

– Значит, ты здесь просто слоняешься? – Жанна сделала попытку сбросить с колен жилистые ноги.

– Прости. – Игривое отталкивание Михаил легко преодолел и водрузил ноги обратно. – Я обобщал.

– Учти, – жестко сказала Жанна, вновь принимаясь изливать волшебную благодать на раненую плоть, – я не общность. Я – частность. Всегда и во всем.

– Разве кто-то сомневается?

– Другое дело. Не хочешь проблем – внимательно следи за словами и мыслями.

«За словами и мыслями». Хорошо сказано. Так, как нужно именно сейчас.

– Я не хочу проблем, – честно признался Михаил, – их у меня выше крыши в последнее время.

Взгляд упал на окно, где за далеким горизонтом начинало розовато лиловеть.

– Что там за здание, недалеко от лужи, в которой мы познакомились? – Он указал в сторону темного пустыря и корпусов за ним.

Бровки Жанны забавно-серьезно сошлись:

– Мы познакомились не в луже.

– Да, но мы сделали это в ее присутствии.

– Пусть хотя бы так, все не свиньей обозвал. В той стороне действительно находится морг.

– Вот. Именно оттуда мне пришлось делать ноги, пока не разобрали.

– Хочешь сказать, что и в первый раз...

Михаил повинно развел руками. Скрывать непричастность к амурным похождениям он не собирался, и если девица что-то навоображала в его отношении – зачем поддерживать в нехороших подозрениях?

– Все, любитель приключений и луж, готово. – Жанна спихнула объект заботы на пол, оставшиеся препараты отправились назад в кожаную аптечку. – Жить будешь.

Она небрежно отбросила аптечку и вновь уселась в своем углу дивана, забравшись туда с ногами и обхватив руками поднятые к груди колени. Задумчивое лицо, опущенное подбородком на гладкую коленную чашечку, пристально смотрело на Михаила.

Ему стало не по себе. Не столько от пронизывающего взгляда, ничего прямо не говорившего, но заставлявшего нервничать, сколько от выставленных в его сторону открытых белых голеней. Сведенные сверху, книзу они слегка раздваивались, меж разъехавшихся пол халатика темнели дурманящие глубины. Окружающий мир накрыла звенящая в ушах и мозгах тишина, удары пульса били под дых. Странная девушка не только не боялась оставаться наедине с едва знакомым мужчиной, но и разными способами провоцировала его. И если она сейчас что-то надумает...

3

Михаил поднялся, ноги сами привели его к окну, лоб уткнулся в стекло. Нет уж. Каждому свое. Кто забывает об этом, кончает в могиле.

В могиле он уже почти побывал. Сбежал на полпути. А насчет остального... Здесь все прямо-таки тянуло к чувственно-бесчувственному обрыву, и только шажочек отделял от пропасти, о последствиях которой для души Михаил, как более взрослый и мудрый, хотя бы догадывается, а неумеющая следить за раструбом ножек чаровница, кажется, нет.

Чего это он: «неумеющая». Прекрасно умеющая. Она все понимает. И прямо намекает.

Такие игры не для него.

«Или все же?..» – противно зудело голосом невытравливаемого внутреннего бесенка.

«Ну, и на чем же мы остановились?» – заметался разрываемый мозг.

– Куда-то собираешься? – Михаил смотрел сквозь стекло вниз, на не отправленный в гараж или на охраняемую стоянку, а беспечно оставленный без присмотра автомобиль. Довольно дорогой, между прочим. В столице такими все улицы запружены, а здесь, в небольшом городе, счет шел максимум на десятки, если не на единицы. Особой криминальностью город-трудяга не отличался, но защиту от дурака даже на компьютеры ставят. Кто-то походя может гвоздем поцарапать, или сверху бутылку уронят, случайно или прямой наводкой. Страховка страховкой, а время и нервы будут потеряны, и средство передвижения, вопреки афоризму одновременно бывшее роскошью, после ремонта резко потеряет в цене.

– Собираюсь? – Огромные ресницы изобразили испуганную бабочку. – Нет. А что? Ах, машина...

– Надеешься на сигнализацию?

– Здесь ничего не случится, у нас район тихий.

– Ничего не случится?! – Михаил демонстративно огладил раны.

– Соседи тоже оставляют, и ничего. И утром не надо в гараж спускаться. Время экономлю.

– Лентяйка, – пожурил Михаил.

Он не оборачивался, смысла не было: в комнате царил день, за окном – ночь, стекло работало зеркалом. Как в кинотеатре, огромный экран показывал и вазы, и картины, и дорогие обои, непредставимые в собственной квартире, и волнующую позу собеседницы.

Взгляд Жанны встретился с разглядывавшим себя отражением.

- Уже поздно. - Она поднялась.

Скорее, рано. Темнота еще не сдавала позиций, но далеко за домами рождалась новая заря.

- Постелю тебе здесь, на диване, - сообщила Жанна, - а перед уходом разбужу и отвезу. Устроит?

Да он просто мечтал об этом! Уф. Значит, с глупыми детскими играми в некстати повзрослевших покончено. Он выдержал испытание. Можно расслабиться.

- Не знаю, как благодарить...

Юная хозяйка махнула ладошкой:

- Ты первый пришел мне на помощь. Если бы не ты - кто знает, что со мной случилось бы.

С этим нельзя не согласиться. С любительницей среди ночи знакомиться в пустынных районах с вышедшими из морга полуголыми мужиками действительно могло произойти что угодно. Вернее, что не угодно.

Из соседней комнаты, где, видимо, располагалась спальня, Жанна принесла подушку и простыни.

- Держи. Здесь тепло, одеяло не потребуется.

Свет погас. Хозяйка прошелестела ступнями в сторону ванной, по глазам полоснуло слепящей вспышкой из приоткрывшейся двери, и квартира окончательно погрузилась во тьму.

Михаил скинул халат, нырнул под простыню и с удовольствием вытянул конечности. Когда ноющие члены утихомирились, он попробовал восстановить события последних дней.

По порядку. Сначала - ссора с Наташей. Жена в который раз грозилась уйти, если он не перестанет пить. В ответ привычно звучали клятвенные заверения,

что больше ни-ни. Но...

Дали отпускные. Подкатили друзья. Понеслось.

Итого, позавчера – торжественный уход в отпуск, что закончился знакомством с моргом. С кем отмечали, кто был? Петрович, Денис, Славик, Володька и этот, новенький, молодой. Второй день, как пришел. Он и наливал в основном. Плеснул какой-нибудь гадости? Михаила-то – и в морг...

Еще был Смирнов, он со школьной скамьи по Наташке сохнет. Она предпочла Михаила, выбор давно сделан, но бывшего конкурента словно закоротило. Смирнов так и не женился. Может, это его проделки? Место себе, так сказать, расчищает. Никто же за стаканами и бутылками специально не следил. Хоть цианистый калий влей.

Новый световой удар по глазам заставил их непроизвольно открыться, и все мысли исчезли. Жанна закончила водные процедуры, дверь ванной распахнулась, тонкая рука нащупала оставшуюся снаружи кнопку. Быстрое нажатие – и свет потух, но за это время...

Михаила пробрало до печенок. На Жанне были только трусики.

Видение еще долго не покидало после того, как обладательница сочного урожая пробежала в темноте в свою комнату. Н-да, поспишь тут, как же. Усилиями воли отвлекающие миражи были разогнаны, Михаил вновь сосредоточился на былом. С трудом. С огро-омным трудом, но все же сосредоточился.

С позавчерашним днем разобрались, теперь – вчера. Сумасшедшее возвращение к жизни, опять выпивка, опять врачи, опять остановка сердца, констатация смерти и очередная отправка живого трупа по знакомому адресу.

Почему – живого? Для всех Михаил умер. Не приди он неведомым образом в себя, был бы разобран, как угнанный автомобиль, и распродан на детали. А остаток ржавого кузова был бы кремирован или похоронен под ритуальный плач вдовы и детей.

Что с ним происходит? Позавчера был готов собственноручно придушить супругу на месте, вчера клялся себе, что никого, кроме нее, не любит, а сегодня...

Сегодня он снова в квартире красотульки, которая вроде бы к нему неровно дышит. Как иначе объяснить заигрывания и намеки? Неужели в таких хоромах по живому обществу истосковалась? Причем, именно по мужскому обществу. Почему бойфренда не заведет?

Осенило. Вот же, дурень стоеросовый, вот же с чего начинать мыслить надо было. Дорогая машина, элитная квартира, шмотье... Новая знакомая – содержанка. При таком раскладе ниточки вяжутся в понятный узелок. Живет Жанночка за счет покровителя, оттого вся роскошь вокруг. Одной роскошью сыт не будешь, вот и потянулась к случайному попутчику. Он, Михаил, просто причуда, каприз. Тот, кто попался под руку. Поиграет с ним наша кошечка и забудет как звали.

Перед внутренним взором вновь пробежала гологрудая чертовка, но следом возникло родное лицо Наташи – умиротворяющее, искреннее, любящее. Любимое. Каким счастьем было бы перенестись к себе, в знакомую скрипучую постель, под теплый бочок супруги, зовущий и соблазняющий невиданным покоем. Как ненавистна стала любая неустроенность! Вернуться бы в желанное поза-поза-вчера. Михаил прожил бы его совсем по-другому. И позавчера, и вчера, и сегодня. И завтра. Совершенно по-другому. Теперь он знал как. Крепкость задним умом – отличительная черта любого человека старой закалки.

Да и новой, если быть справедливым.

4

Задремать не удалось, вновь слышались шаги – тихие, осторожные. Веки создали небольшую щелочку: искушающее привидение, чей вид с предыдущего прохода не изменился, проскользнуло через гостиную к туалету. Середину прикрывал согнутый локоть, на «спящего» скакнул быстрый взгляд.

История со светом повторилась дважды. Сначала Михаил успел полюбоваться станом скрывшейся за дверью ночной феи, чуть позже – новым царским выходом. Однажды кто-то сказал, что ночь придает блеск звездам и женщинам. Точно сказано, особенно насчет последнего. Призрачная чудесница обхватила себя за локти, аккуратно ступавшие ножки приблизились к месту горизонтальной дислокации Михаила. Головодробительная плоть оказалась близко. Чересчур близко. Изображать сопящий труп было нелегко. И, как оказалось, незачем, поскольку над ухом раздалось:

– Спишь?

Издевается? Глаза честно открылись.

– Нет.

– И мне не спится. Я немного посижу здесь, с тобой?

«Посижу»? Кроме журнального столика рядом другой мебели нет.

На то, чтобы загнать хозяйку квартиры обратно в спальню, у Михаила не хватило духу. Освобождая местечко, пришлось, лежа на боку, втиснуться в спинку дивана, изогнуться и предельно подвинуть ноги. Задумчивая сомнамбула разместилась на предоставленном краешке в районе его пояса. Подобрал колени к груди, Жанна крепко обхватила их и замерла. Какие бы причины ни назывались, а пришла она сюда с какой-то целью, явно не оттого, что отвыкла засыпать без сказки, рассказанной няньками.

Если бы Михаил не был женат...

Но разве он, дважды умерший, еще женат? Разве для мира он все еще рабочий из типографии, которого знали друзья и близкие? И... очень близкие?

Если для остальных он умер, а для себя – жив, то...

Началась новая жизнь. Вопрос на засыпку: имеет ли он право начать ее с интересного приключения? Другие умудряются совмещать то и другое в одной вполне благополучной жизни. И не жалуется. Почему он делает для себя

исключение и даже сейчас раздумывает, вместо того, чтобы броситься в пучину новизны?

Потому что знает, что жив. И что женат. А это, даже для неверующих, все равно от Бога, нечто высшее, что дается людям и в чем они клянутся друг другу перед лицом окружающих. И перед лицом того же Бога, которого, возможно, и нет вовсе, как уверенно докладывали советским людям в течение семидесяти лет. Воспитанием Михаил был из старого поколения, и разговоры о высших силах, которые вмешиваются в наши дела, ему были смешны. До последнего времени. Вот именно до вчера и сегодня, когда с ним начало происходить нечто не от мира сего.

Жанна вышла из задумчивости.

- Сделать тебе массаж?

- Нет.

Ответ был резок и немного обиден. Жанна поняла правильно. Он боится. Боится ее прикосновений. Боится своей возможной реакции. Другими словами, он трус, вот и весь перевод краткого испуганного ответа на расширенный русский.

- Ты меня боишься, - не спросила, а констатировала Жанна понятный обоим факт, взяв смелость произнести это вслух.

Михаил тоже проявил отвагу.

- Да, - сказал он. - Боюсь.

- И себя.

На этом провокация не кончилась. Руки Жанны упали, как листва по осени, одна оперлась на диван. Колени опустились набок. Над лицом Михаила нависли балконы прекрасного фантастического сооружения.

- И себя тоже боюсь. - Он сглотнул.

– Как ты живешь в постоянном страхе? Другие живут честно. Правильно или нет
– другой вопрос, но честно. Не терзают себя постоянными сомнениями. Не умирают в неуверенности, в нескончаемой липкой боязни, что могут не сдержаться или, наоборот, что дражайшая супруга о чем-то узнает. Как ты можешь так изводить себя? Ты же мужчина! Если что-то гложет, дай себе волю, разберись с проблемой, уничтожь ее любым способом, пусть она останется в прошлом.

– Я бы с удовольствием. – Михаил глупо хихикнул, так, что самому стало стыдно. – Но я борюсь с искушениями, потому и...

– Ты не борешься. Ты множишь их. Ты превращаешь себя в тряпку.

– Неправда.

– Со стороны виднее. Особенно на истинный женский взгляд.

Голос Жанны оброс обличающими интонациями, лицо распалось, очаровательные шипастые шарики бурно вздымались и опадали сообразно с объемом набираемого воздуха. От них пахло свежестью, деревенским молоком и соблазном. Прошлое в душе Михаила подралось с будущим за настоящее. У каждого была своя правда. Взгляд остановился. Мысли тоже.

Не дождавшись ответа, Жанна продолжила столь же резко и грозно:

– Вместо того, чтобы по-мужски править мир под собственное мировоззрение, ты прячешься, ищешь возможности отгородиться от реальности, которая течет где-то рядом и, обливая брызгами соленых волн, пытается доказать свое существование. И извлечь тебя из лужи, которую ты создал своими руками и откуда иногда выглядываешь испуганно, но, едва узнаешь о том, что рядом существует большой яркий мир, снова прячешь голову в песок. Точнее, в ил. В затхлую жижу, к которой привык и потому не замечаешь. Помнишь лужу нашего знакомства? Ничего не напоминает?

В прострации, пронизанной немим восхищением ораторшей, Михаил внимал пламенной речи. Все, что говорила Жанна – его случай. Михаил – такой?!

– Подожди, – вдруг заработала инстинктивная соображалка. – По-твоему, кто не реагирует на провокации и не клюет на соблазнительную наживку – трус?

– Хочешь поспорить? Давай. Разве трус тот, кто делает выбор в пользу действий? Кто не боится последствий? Кто согласен брать на себя ответственность за решения и поступки? – Жанна еще сильнее нагнулась, нависнув тревожащим сладким изваянием, готовым в любой момент рухнуть и погрести под собой.

Жителям Помпей не позавидуешь, им было так же плохо, но при этом не было так хорошо. Собрав все мужество, Михаил опустил взгляд... где тот и утонул в колодце пупочка, обрамленного озерцом знойной мякоти и отчеркнутого ленточкой единственного элемента одежды. Внизу, в основании, ленточка превращалась в знобящий выпуклый треугольник. Туда, в самый низ, как вода с сиявшего в подсвеченной темноте тела Жанны, бессознательно и упорно стекали взгляды Михаила, там утопали мысли – в уходящем вниз средоточии складочек, плотно сжатых бедрами.

– Подумай над моими словами! – произнесла владелица коварного великолепия, а ее ладонь накрыла руку Михаила. – Ответственность за слова и поступки – то великое, что дано настоящему мужчине и чем он может распорядиться по своему усмотрению. Мы, женщины, любим не наглых или смазливых, мы выбираем надежных. Тех, кто держит слово. Кто может. Кто действует. И кто готов отвечать за свои действия, не перекладывая решения и их последствия на оказавшиеся рядом хрупкие плечи. Даже, если эти плечи готовы взвалить на себя такую ношу.

Осознавая, что внимание к низу еще более неприлично, чем к обнаженному верху, Михаил поднял взгляд прямо в сверлящие глаза Жанны.

– А если для поведения в ситуациях, о которых ты говоришь, у меня другие принципы?

Перехват инициативы – лучшее средство защиты. А то какая-то пигалица учит жизни. Он старше в два с лишним раза, и жизненного опыта не занимать...

Жанна будто мысли читала.

– Думаешь, не могу быть правой, потому что младше? Возражу. Да, мы с тобой из разных поколений. Но. Ты мужчина. Я женщина. В этом отношении ничего не меняется тысячелетиями, оно заложено на генном уровне. Вспомни Экклезиаста: «Все было и все будет, и нет ничего нового под солнцем». У тебя больше опыта, а еще – мудрости, которую дает только опыт. Допустим. Но. У меня больше современных знаний о том, что такое нынешний мир, из карусели которого ты выпал на каком-то круге, когда решил, что все знаешь. Ты остановился, но мир – не круг, мир – спираль, вот в чем дело. На новом витке больше возможностей. И больше ответственности.

К чему она ведет? Или, чисто по-женски, говорит первое, что пришло в голову? Вроде бы нет. На вид все связно и последовательно. Впрочем...

– Если уж поминать Экклезиаста, – буркнул Михаил, – то ни о какой спирали в области отношений не может быть речи, просто есть время собирать камни, а есть разбрасывать. Все, что мне нужно, я собрал в свое время. Нового – спасибо, не надо.

На грубоватую отповедь Жанна не обиделась.

– Собрал, а теперь, значит, разбрасываешь?

Ее внешний вид создавал ощущение, что над Михаилом высится огромная белая лягушка. Выпирающими бусинками зрачков уставились белые сферы глаз, а расправивший крылья буревестник трусиков напоминал жадный рот, вместе с пупком-носиком образовав мультяшную рожицу. Одно немигающее лицо под другим заставляло воображение исполнять танец маленьких непослушных лебедей, опасный, но очень эротичный.

Опаленный играми подсознания Михаил возразил:

– Не разбрасываю.

– Как же это назвать иначе? Помнишь поговорку «Что имеем – не храним, потерявши – плачем»? Это о тебе, о типичном разбрасывателе, который решил, что время собирать окончилось. Дерево посажено, дом построен, сын рожден – теперь гуляй, миссия выполнена, делай, что хочешь!

Жанна кинула многозначительный взгляд в сторону кухонных шкафчиков, где хранилось спиртное, что Михаил прекрасно помнил. Но помимо такого первого смысла, у высказанной мысли можно было прочесть второй, задевший сильнее.

– По-моему, ты ненавидишь людей, у которых есть воля жить по собственным правилам, – проговорил он тихо. – Тебе не понять, но я не хочу, как бродячий пес, хватать все, что подвернется. Случайно подвернувшееся бывает, как минимум, чуточку испорченным, а как максимум, гнилым и тухлым. Ни свежести, ни чистоты, ни полноценного удовольствия для души и тела. Мне приятнее здоровая домашняя пища, меня не тянет в забегаловку за стандартным бутербродом, который по вкусу ничем не отличим от сотен и тысяч других. Да, они другие, но все равно те же самые бутерброды. Фастфуд. Быстрое питание. Разница только в обертке и ценнике.

Если не поразить, то заинтересовать ночную собеседницу удалось. Даже заинтриговать. Жанна посмотрела на Михаила несколькими глазами.

– Кажется, я поняла разницу между нами. Нет, не эту. – В качестве примера она погладила себя по чувственным полушариям. – Дело в другом. В мироощущении. Я думаю о будущем и живу настоящим. Твое будущее давно в прошлом. Ничего нового ты не ждешь, да и не хочешь, тебе больше ничто не светит, а то, что ты по старинке считаешь любовью, просто удобство, помноженное на привычку, и боязнь однажды оказаться никому не нужным. Мы опять вернулись к теме боязни. Ты дорос до своих уважаемых лет, а по-прежнему боишься всего непонятного, как маленький мальчишка, который не знает мира за пределами своей песочницы.

– А ты ничего не боишься? – Затюканный доводами, внешне похожими на правду, Михаил нашел в рассуждениях слабое место. – Твоя жизнь тоже переполнена страхом, но у тебя нет порта приписки, где ты можешь переждать бурю или восстановиться после шторма.

– Люди – разные. Одному нужна тихая гавань, другой счастлив под ударами бушующих волн!

– Да, люди – разные, как, например, корабли. Бывают роскошные лайнеры, приятные для коротких интересных путешествий. Бывают тягачи, что всю жизнь делают свою нужную работу. Бывают морские яхты... А бывают речные лодочки

для прогулок.

– А еще бывают дырявые посудины, которые при первом шторме идут ко дну. – Жанна покосилась на Михаила с ядовитой ухмылкой. – А насчет роскошных лайнеров для приятных коротких путешествий...

Ее голос умолк, лучисто-хитрые глаза уставились в прикрытый простыней центр живой композиции, а рука плавно прошла по этому центру.

– В Ветхом завете, – продолжила Жанна, не спуская с Михаила ни руки, ни столь же тревожащего взора, – я нашла строчку, даже запомнила: «Пришелец, поселившийся у вас, да будет для вас то же, что туземец ваш. Люби его как себя». Слышишь? Повторю еще раз. Люби его как себя! А себя, – она потянулась вперед вновь поеретянувшей на себя внимание курносой грудью, – я о-очень люблю...

– Люби. – Пожав плечами, Михаил движением таза постарался выехать из-под нахальной ладони.

– Что же. – В глазах Жанны плясали чертики. – Золото пробуют огнем, женщину золотом, мужчину женщиной. Попробуем?..

5

Вот и сказано решающее слово. Приехали.

Сидит, красавица, глазками сверлит, ждет. Ну, сложится сейчас кратенький дуэт. Ну, возможно, будет, что вспомнить. Но потом с этим жить. Ей, раскрепощенной и свободной, ладно, проблем никаких. Возможно, Жанне это как еще одно очко в демонстрируемое подругам табло попутных побед. Или просто «по приколу». Молодежь. Кто ее поймет? Тем более, вот такую. Новую. Материально не бедствующую, которая сама себе хозяйка. А Михаилу, с еще не пропитой до конца совестью? Как вернуться к любимой жене, если возвращение состоялось через чужую постель?

– Да уж я такое золото – пробы ставить негде, – протянул он. – Огонь тоже давно перегорел.

– Давно верю не словам, а чувствам. – Жесткие чужие глаза выжигали на его коже неприличные рисунки. – А они говорят...

– Это всего лишь угольки бывшего пожара.

Михаил с такой мольбой посмотрел на Жанну, что она громко и отходчиво расхохоталась.

– Ладно, подождем, пока угольки разгорятся. Хотя... Отсрочка – надежнейшая форма отказа. Я согласна, пусть будет, как скажешь. Ты мужчина, тебе и решать. Но тогда...

Она поднялась бесшумно и почти бесплотно, словно джинн из кувшина, и чарующим облачком скользнула на кухню.

Михаил проследил, как красивое тельце взгромоздилось на подставленный стул и, качаясь и активно балансируя, достало заветную бутылочку. На этот раз другую, желтую. Притягивавшие взгляд живые противовесы, отливавшие лунным сиянием, отвернулись, вид на кухонный стол перекрылся белой спиной и шелковой буквой «Т», вписанной в круглое и мягкое. Донеслись булькающие звуки. Они вызвали судорожный скачок кадыка. Еще несколько томительно-счастливых секунд – и очаровательная хозяйшка, как добрая фея из сказки, появилась с двумя стаканами.

– Любишь виски?

– Наверное.

– Не пробовал?!

– А должен?

– Нет. Но странно.

Жанна вспорхнула на прежнее место, но теперь присела на одну подобранную под себя ногу, а другую свесила вниз. Стаканы она прижимала к груди. Переставший стесняться Михаил безотрывно смотрел на образовавшийся союз стекла и кожи. Холода и тепла. Желанного и желанного.

- Ты сказала «странно». Почему?

- Обычно в твои годы люди чего только не попробуют.

- Это сейчас был укор возрасту или отсутствию любопытства?

- Насчет возраста не комплексуй, ты у нас мужчина хоть куда, в самом расцвете сил, как персонаж из мультика, который съедает все варенье и исчезает. Извини, что-то я не о том.

Страждущий взгляд Михаила заставил напарницу смилостивиться. Жидкость за твердой стенкой отлепилась от спелой мякоти, обтекавшей прохладный цилиндр с обеих сторон. Жанна поерзала немного, устраиваясь удобнее, и один из стаканов, наконец, перешел в руки лежавшего Михаила.

- Но тебе же нельзя? - вспомнила Жанна. - Вдруг опять?..

- Если душа просит, а компания располагает, то можно.

- Как скажешь. - Жанна подняла вверх руку с напитком. - За что?

Без прикрытия стаканов прекрасная соблазнительница сумела создать новый союз желанного и желанного, одно было уже в руке, второе ожесточенно туда стремилось.

- За ответственность и право выбора! - сформулировал Михаил то, что крутилось на языке.

- Замечательно.

Замешкавшись, Михаил указал взглядом на зажатый в руке стакан:

– Прости, но для этого дела мне нужно встать.

Не животное же он, в конце концов, которое даже вверх тормашками пить и есть может. Соседка подавилась скабресным смешком:

– Для «этого дела» – просто необходимо.

Михаил побагровел.

– Я о другом.

– Теперь и я о ком-то другом. – Стрелы показной обиды достигли цели, и Жанна со вздохом сдвинулась по дивану назад.

Михаил поднял корпус вертикально. Простыня слетела с груди, но ниже осталась. Это главное. А вообще, чего стесняться? Партнерша же не стесняется. Вот и ладошки. Почти касаясь друг от друга напрягшейся кожей, но все же не касаясь, они приложились каждый к своему стакану. Сразу стало веселее. Случайная знакомая показалась почти родной, к ней чувствовалась неизъяснимая благодарность. Захотелось обнять, а то и поцеловать. Чисто подружески. От избытка чувств.

– Можно вопрос? – Партнерша по ночному досугу опять только отхлебнула, а второй рукой забрала у Михаила пустую емкость. Оба стакана отправились на журнальный столик. – Скажи, по-твоему, платонические отношения – это потерянное время, способ проверки чувств, прекрасные отношения... или только их иллюзия?

Интерес довольно странный и явно неслучайный. Любопытно, чем он вызван. Наслышанному о нравах древних греков, что нескрываяемо любили мальчиков и – еще одно жуткое извращение – разбавляли вино водой, Михаилу не хотелось попасть впросак. От вымерших умников, к которым принадлежал упомянутый Жанной Платон, можно ожидать любой подлости.

– Имеешь в виду начальный этап отношений между мужчиной и женщиной?

– Можно сказать и так. – Жанна опустила взор. – К сожалению, бывает, что на этом этапе люди застревают, и такие отношения становятся постоянными. Во всяком случае, очень долгими. Или параллельными.

Ясно, неразделенная любовь. Вот и вывели девочку на чистую воду.

– Если мужчине нравится женщина, – начал Михаил в задумчивости, – он не станет скрывать желания, и со временем все произойдет само собой.

– А если уже произошло, а потом – бац! – и снова платонизм в самой изуверской форме?

От взгляда Жанны вдруг передернуло. В висок стукнуло болью. Неужели вчера?..

А он – не помнит?!

Ласковое лицо, почти касавшееся его губ, ждало ответа. Два белых облака острыми язычками звали на помощь. Отважная рука без спросу легла на его живот, и...

Лязгнул открываемый замок, входная дверь распахнулась. Ослепительным грибом взорвался вспыхнувший свет люстры, оставив без зрения и возможности понимать.

– Так-так, – раздался голос вошедшего. Голос был мужской и очень злой. – Развлекаемся?

Среди прыгающих разноцветных пятен перед взором Михаила одно быстро увеличивалось.

– «Клубничку» любим, да? – принеслось уже с расстояния руки, прямо над ухом. – На свеженькое потянуло?

Жанна метнулась в сторону, а в направлении Михаила просвистело что-то тяжелое...

P

.

S

.

Донесение №2:

Задействовано большинство интересующих лиц. Удар необходимо нанести не раньше, чем появятся доказательства. Доказательства должны быть неопровержимыми, в противном случае придется начать с нуля. Еще раз повторяю: преждевременное вмешательство, как и обнаружение постороннего внимания за передвижениями указанных объектов, приведет к отмене действий по всей цепочке подготовленных эпизодов. Тихоня.

Часть третья

Слава хроническим неудачникам, на фоне которых ваше ползание выглядит полетом.

Михаил Жванецкий

Когда дела идут хуже некуда, в самом ближайшем будущем они пойдут еще хуже.

Законы Мерфи

***

- Ну и тяжелый был.

- Ничего, не каждый день лично для шефа стараемся. Особый случай.

- Что в этом чудиле особого? Не олигарх, не сын олигарха, не хахаль олигарховой дочери или жены. Проверено. Не чиновник и не подпольный миллионер. Даже не хакер какой-нибудь. Не гений финансов или криминала. Ни денег ему в жизни не светит, ни карьеры.

- Не понимаешь?

- Нет.

- Плохо разбираешься в людях. Шефу он зачем-то понадобился, значит смысл есть.

- Смысл?! У всего вот этого?!

- Шеф просто так ничего не делает.

- Может, его жене захотелось, чтобы, как в анекдоте про солдат в противогазах, слоники побегали?

- Сразу видно новичка. Шеф не женат.

- Тогда... вожжа под хвост попала. Или нашего клиента он кому-то в карты продул. Или какой-нибудь друг попросил прищучить, у которого этот недоумок девку увел.

- Здесь что-то другое. Руководство само операцию ведет, от начала до конца. Во все тонкости лезет, даже темы разговоров отслеживает, чтобы все – как прописано, без отступлений и отсебятины.

- А я люблю, когда простор для рук и фантазии.

- Еще наешься этим простором.
- Раньше за инициативу хвалили.
- Не в нашем случае. А жаль. Сколько хороших идей пропало...
- Стоп. Ты сказал – разговоры? Не здесь ли собака зарылась?
- В смысле – зарыта?
- Кто?
- Собака. Так обычно говорят.
- У нас демократия, говорить можно как угодно.
- Вернись к тому, что хотел сказать.
- Я уже все сказал. А-а, про разговоры? Мне показалось, что если темы имеют важное значение, то существует некая информация, которой владеет наш подопытный кролик и которая дорогого стоит, если ради нее такие события заверчены.
- Или информация, которую в определенных условиях тот может получить. Привычными путями из него никто ничего не выбивает – значит, либо ее еще нет...
- Либо еще нет в его распоряжении.
- Либо нельзя показать, что некими фактами кто-то интересуется.
- Точно. Или, например, существует неизвестная нам бесценная вещь, которая очень нужна кому-то, и узнать ее местонахождение можно только через устроенные конкретному лицу конкретные передряги.

- Бывало и такое. Драгоценная вещь...

- Или секретный документ...

- Или спрятавшийся человек...

- Или вся эта катавасия – отвлекающий маневр от другой операции, которую ведут параллельно в другом месте, чтобы нужные органы отвлеклись на нашего кролика.

- Или чтобы нужные люди занимались его приключениями вместо прямых обязанностей, а в это время у них под носом что-то произойдет. Скажем, какой-то важный документ или свидетель исчезнет. Или новый как бы случайно появится.

- По поводу последнего интересная мысль появилась.

Пауза.

- Ну?

- Что если отвлекают нас?

- Доразмышлялись. Зачем и от чего нас можно отвлечь?

- Не знаю. Нам и в других случаях не докладывают, что мы делаем и для чего. Конечный результат известен заказчику, в лучшем случае еще шефу, исполнителям часто непонятен даже мотив. Даже тому, кто планирует операцию, сообщают другую версию событий, которая похожа на правду как прыщавая толстуха на свою аватарку.

- А если нас проверяют?

- Экзамен на профпригодность? Тогда разрешили бы инициативу. И не просто разрешили бы, а приветствовали.

- А если - проверка дисциплины? Чтобы выяснить, как мы умеем выполнять задания без лишних вопросов.

- Зачем же проверять так сложно? Могу придумать сотню ситуаций с гораздо большим эффектом и меньшими затратами. Думаю, что шеф тоже.

- А если... кто-то проверяет шефа?

Повисла очередная пауза.

- Да уж, наговорили. Мозговой штурм провели. Шеф был бы рад.

- Но что-то из этого - правда.

- Не спорю.

Дискуссия утихла, погрузившись в дебри самокопания до полного самозакапывания. Но ненадолго. Родилось новое предположение:

- Ты не думал, что чехарда событий имеет более простое объяснение? Вариант «Золушка».

- Не проходил такого, поясни.

- Объекту «фея» хочется без свидетелей побыть с объектом «отец», для этого объекты «мачеха» и «дочери» привычно сплавлены на подходящее общественное мероприятие, а для одной дочери, которую те не взяли, выдумываются всякие чудеса, лишь бы тоже спровадить с глаз долой хотя бы до полуночи, дольше не надо, поскольку фея к тому времени уйдет.

- Хочешь сказать, что все подстроенное - повод кому-то нужному без проблем остаться наедине с супругой нашего алконавта?!

На одном из мониторов произошло движение.

- Тихо! Шеф идет!

Быстрое шуршание сменилось тишиной, через минуту раздались шаги.

– Как поживает объект?

– Еще денек, и нашему соколику крышка. Все по плану. Скоро выход палочника.

– Чудненько. Продолжайте.

Едва шаги затихли, приглушенная беседа возобновилась.

– Брось. До участия палочника еще как до Сочи на дрезине.

– Но показать готовность надо, начальство это любит.

Оба разговаривавших на минуту отвлеклись, выслушав сообщение полевого координатора о происходящем с объектом, и первый вздохнул:

– Честно говоря, жалко мужика.

– На работе забудь про эмоции. Опасно для жизни.

– Я не о том.

– О чем же? Жалко – оно либо чувство, либо у пчелки, в любом случае жалит больно. Иногда смертельно.

– Не могу вообразить себя на его месте. Тебе разве не интересно, что он думает обо всем этом, какие версии строит?

– Ничего не думает. Ему бы выжить.

– Тоже верно.

Ох, как болит ухо. И челюсть. И тело ломит, словно оно было полигоном при обкатке нового танка.

С огромным трудом Михаил разлепил глаза. Ночь. Опять. Полная темень, хоть глаз выколи. Но это потому, что перед лицом что-то большое и темное, а дальше брезжит рассеянный свет. Свет походил на лунный, но шел не сверху, а очень странно – с боков, одновременно с разных сторон.

Попытка перевернуться не удалась. Пошевелить рукой или ногой тоже не получилось. Вот почему все болит: он связан. По рукам и ногам. И в постепенно становящемся привычным голом виде лежит скрюченным на заднем сиденье автомобиля.

Судя по ощущениям, машина никуда не ехала. Снаружи доносилась чья-то глухая брань под нос. Звуки копания земли. Вот лопата втыкается в сопротивляющуюся среду, вот со смачным «кхыком» хозяин инструмента посылает быстро падающий комок в сторону, и все по новой.

– Миш? – Тихий шепот вызвал ощущение молота по макушке и приступ паники. – Ты очнулся?

Он постарался повернуть голову. Немного, но удалось.

Одежда на Жанне как при первой встрече: юбочка, кофточка. Значит, дали возможность одеться, пусть и в первое попавшееся. Михаила подобной чести не удостоили.

Жанну тоже связали, но по-иному, она сидела на месте переднего пассажира, за спинкой сиденья ее запястья стягивал скотч. Вновь потек шепот:

– Сможешь развязаться?

Михаил пошевелил не пошевелившимися мышцами.

– Нет.

- Плохо. Яма, которую он копает – для тебя. – Красивый силуэт указал за тонированное окно автомобиля. – Может, и для меня тоже.

- Где мы?

- В лесу за городом.

- Он один?

- Да.

- Подожди.

Затекший организм напрягся, Михаил пересилил боль и, извиваясь червем, в несколько приемов добрался головой до заломленных вниз рук Жанны.

Рвать слои скотча зубами – дело непростое. Собственные запястья стянуты сзади, а настолько согнуться, чтобы проскользнуть в кольцо рук и вывести их вперед, не позволяя с годами разладившийся ноющий корпус. К тому же, Михаил не знал, способен ли он на такой фокус, стандартный для кинобоевиков. Если ты не Джеки Чан, а запястья перематывал человек, сведущий в деле...

- Ура, – шепнула Жанна, – расходится!

Не отвечая, Михаил продолжал грызть противную ленту. Задыхаясь – рвал, впивался, отплевывал и снова вгрызался, как бультерьер в обидчика. И через минуту...

- Есть! – Руки Жанны исчезли впереди. За стекло метнулся озабоченный взгляд, скрипнул открываемый бардачок, блеснул металлом вынутый револьвер.

Кружочки гильз, видимые даже Михаилу, показали, что барабан полон.

- Как им пользоваться? – Жанна не сводила с оружия остановившегося взора.

- Развяжи меня, я сам.

– Не успею. Просто нажать на курок?

– Взведи верхний курок назад или жми на спусковой крючок со всей силы. Несколько раз, для уверенности. Только не приближайся, чтобы тебя не достали раньше. Но... ты уверена? Ты сможешь?

Жанна не ответила. Она сжала пальцами рукоять смертельного инструмента, открывание дверцы нарушило тишину.

Сможет ли? Выстрелить в человека непросто. Даже в преступника. Даже в того, кто собирается убить тебя. Михаил служил в армии. Армия не только строем ходить учила.

От двери Жанна вскинула руку с оружием и, начав нажимать на спуск, пошла на копателя. Бах. Бах. Бах. Бах. Бах.

Пять выстрелов. В шестизарядном револьвере остался один патрон.

Через две секунды еще раз: бах.

Скрюченный приподнявшийся Михаил замер, сквозь тонировку стараясь разглядеть в темноте хоть что-то. Ничего. Ни зги. Скривившись от боли, он рухнул на сиденье.

2

Жанна не было с минуту. Или так показалось. Время то разгонялось, как летящий в пропасть скалолаз, то застывало замороженной глыбой. Вернулась Жанна без револьвера, с охапкой тряпок в руках. Водительская дверца отворилась, в салон упали джинсы и простреленная рубашка в пачкающих пятнах крови. Из добротных штанов вывалились ключи зажигания, Жанна молча расположилась за рулем, стартер крутанул, ножка в тифельке вжала педаль в пол до отказа.

Михаил беспомощно корчился сзади в позе червя на крючке. Лихого ездока по кочкам жертва очередных обстоятельств нисколько не волновала.

– Развязать не собираешься? – Обиженный, что про него забыли, на ровном отрезке пути Михаил приподнял голову. – В отличие от некоторых, мне тут не слишком комфортно.

– Перебьешься. Уматывать надо.

Логично. И тем не менее. Хотя бы что-то острое дала, чтобы дальше он сам, а так – будто заложник. Связанный, съездившийся, голый, валяющийся на заднем диванчике как ненужная вещь. А может, именно заложник? Что на уме у вращающей бешеными глазами содержанки, которая только что укукошила благодетеля? Ведь именно благодетеля, кого же еще? Никто другой не мог, отперев дверь своим ключом, ввалиться в квартиру под утро. Братца, с которым можно делить жилье, у Жанны не было, она сама призналась, что живет одна.

Ленивое урчание из-под капота не соответствовало скорости, ожидалось нечто с воплями и надрывом. Это нервировало, но на эффективности не сказывалось. Автомобиль вылетел с просеки на трассу. Жанна остановилась только через несколько километров, где на очередном тупиковом съезде машина свернула, потыркалась вперед-назад в узком проезде и встала мордой к проезжей части. Однако, умненькая девочка, продуманная. Если вдруг что – рвать когти из такого положения сподручней.

Жанна поискала режущие предметы по боковым кармашкам и, не найдя ничего подходящего, вышла из машины. Со стороны ног Михаила отворилась дверца, конечности тут же блаженно вытянулись. Жанна повернула его на живот, наманикюренный ноготок попытался поддеть край слипшейся ленты.

Место, где приходилось развязывать Михаила, располагалось на его копчике. Не лучший ракурс для взора юной девы. С другой стороны, лучше так, чем наоборот.

– Сударыня простит, что джентльмен располагается к ней спиной? – натужно пошутил он.

– У джентльмена чудесная... спина. Если бы джентльмен чуть больше времени уделял спорту, сударыня порекомендовала бы его, гм, спину в рекламу салонов мужской красоты.

Льстит чертовка, но как же приятно льстит. Зато неловкость сгладилась. Михаил если не возгордился, то перестал сильно стесняться.

Превратившиеся в единую массу слои скотча ни пальцам, ни ногтям не поддавались. Когда в десятый раз ничего не вышло, Жанна выдохнула:

– Придется действовать уже оправдавшим себя способом.

Она влезла коленями на бедра Михаила, на его сдвинувшиеся икры опустилось содержимое мини-юбки, растопыренные ладони оперлись о покрывшиеся заводными пупырышками ягодицы. Спасительница нагнулась и принялась зубами рвать путы на выставленных к ней запястьях.

Покряхтывая, Михаил заметил:

– Можно надпилить край ключом от машины, я бы потом разорвал.

– Здесь включение ключом-брелком и кнопкой «старт-стоп». – Жанна, только что догрызшая многослойную ленту до конца, потянулась через салон к выемке между передними креслами, и Михаилу под нос полетела связка ключей. – От квартиры. С ногами сам разберешься.

Пока он переворачивался, она обошла машину, лежавшие на месте переднего пассажира вещи были подвинуты, Жанна без сил рухнула на сиденье. Когда освобождение ног Михаила приблизилось к финишу, она передала ему назад принесенную одежду.

– Держи, должно подойти.

Михаил даже не поморщился. И что же, что с трупа? Выбирать не приходится. Кто бегал по современному городу голышом, тот поймет. Город не создан для голых.

– Водить-то умеешь? – поинтересовалась Жанна, пока он превращался в современного человека.

– Обижаешь. – Справившись со штанами, Михаил взялся за рубаху.

– Дальше поведешь ты, я не в состоянии. – Спасшая одного и убившая другого человека, спутница вновь принялась наблюдать за ним с дерзостью солдата, оказавшегося у дыры в женскую баню.

Спасшая? Его? Жанна спасала себя. И тем не менее... Уж очень она была спокойна. Это утешало. Хорошо, что мысли заняты другим, иначе родилось бы много вопросов. На них потребовались бы ответы. А ответы или их отсутствие заставили бы принимать какие-то меры. Зато не думая можно плыть по течению просто отдавшись на волю судьбы. Ведь все, как известно, к лучшему.

Джинсы оказались коротковаты и широки, ситуацию спас ремень. С окровавленной рубахой вышло проще, чрезмерная ширина не замечалась, дырки и пятна на груди не мешали, рукава в закатанном виде смотрелись нормально.

– Не боишься? – спросил Михаил.

Наверное, спрашивать нужно было раньше, до того, как прозвучали роковые выстрелы. Но ведь прозвучали? Значит, Жанна не боялась? Для Михаила это не было аргументом, он знал многих, кто сначала делает, потом думает. Даже за собой иногда замечалось.

– Я насчет отпечатков, – пояснил он.

Жанна равнодушно пожала плечами.

– Свои стерла, оружие вложила ему в руку и сбросила в яму. Кстати. – Нежная ручка, умевшая убивать, показала на ящичек под средним подлокотником. – Здесь его перчатки, надень на всякий случай. Потом выбросишь. Зато не наследуешь.

– А твои следы? – Он указал на бардачок, который открывала Жанна.

– В этой машине их полно, самых разных, даже представить не можешь каких.

– Почему же. У меня хорошая фантазия.

– Прости, но если говорить честно, фантазия у тебя никакая. Поверь человеку, у которого есть, с чем сравнивать.

После язвительного смеха Жанна вдруг добавила:

– А может быть, ты просто скрываешь истинные возможности?..

Уже одетый и в перчатках, Михаил перелез между кресел вперед, нажатие красной кнопки на приборной панели заставило машину вздрогнуть, рукоять мягко переехала на «драйв». Двигатель взревел. Седоков буквально вмяло в кресла. Даже при взлете самолета ощущения слабее, Михаил не ожидал подобной прыти и едва успел вывернуть на трассу. Трофейный транспорт и здесь не подкачал, крутой вираж был пройден как по маслу. Автомобиль не только не слетел с полотна, но даже не накренился. Не машина, мечта. Жаль, Михаилу никогда такую не купить. Возраст. Предел карьеры. И пройденный пик энтузиазма, с некоторых пор сменившийся пофигизмом. Единственная машина, которую семья могла себе позволить – стиральная, без нее никак. Хоть разбейся, а купи. Вот и купили. А, к примеру, швейная – уже роскошь, потому находится у жены в том же фигуральном ряду, в каком у мужа спорткары, джипы и, по-нисходящей, вообще все, что имеет четыре колеса и хоть изредка передвигается без помощи лошади.

Ох, Наташа, Наташенька, выбраться бы из этой передрыги, и все будет по-другому.

Когда осталось только подруливать на плавных изгибах дороги, Михаил, наконец, огляделся в автомобиле. Салон был обшит красной кожей, даже пространство для ног отделано алым – каким-то бархатным и приятным для голых ступней материалом. Машина, скорее всего, не новая, о чем говорили потертости педалей и кожаного руля, но для Михаила, видевшего похуже только на картинках, она была чудом техники. На руле сияла многоцветная эмблема с крестом и зеленым змием. Хороший герб себе на будущее, как напоминание, чтобы в такие истории больше не попадать.

– Отвези меня домой, потом езжай, куда хочешь. – Жанна опустошенно глядела на трассирующие очереди фонарей, проносившихся в окнах.

Раннее утро. Город еще только просыпался. Люди-«жаворонки» и принужденные обстоятельствами притвориться жаворонками «совы» куда-то спешили, все больше машин выползло из теплых будок гаражей и с холодных стоянок.

Михаил молчал.

– Если остановят, скажи, что увидел открытую машину и решил покататься, это простительней угона.

– Понимаю, не маленький.

– Ни фига ты не понимаешь. Если бы что-то понимал, мы бы здесь в таком виде не сидели. – Жанну будто жгло изнутри, она принялась обмахиваться, вентилируя внутренности краем мини-юбки. – Одежду, которая сейчас на тебе, уничтожь, лучше сжечь, но так, чтоб не привлечь внимания. Потом перегони машину в мой район, поставь где-нибудь неподалеку. Ключ-брелок занеси мне. Дальше не твои проблемы.

– Как понимаю, связываться с полицией ты не намерена?

– А ты?

На Михаила поднялся настолько агрессивный взгляд, что расхотелось сидеть с его обладательницей в одном автомобиле.

– Я – пас, – ответил он.

Вот и договорились. Жанна откинула голову, прикрыв веки, а ладони расположив на коленях.

Нет ничего лучше, чем лететь по просыпающемуся городу. Большинство светофоров еще не работало, в остальных машина поймала «зеленую волну». Так и хотелось вжать педаль, чтобы хоть раз в жизни ощутить, что чувствуют стритрейсеры и прочие гонщики. Машина такую шалость позволяла,

обстоятельства – нет. Недовольно порывая, мощная зверюга кралась по городским джунглям, словно выискивая добычу. Увы, дичь сидела внутри, мимикрируя под хищника, чтобы другие хищники не порвали на части. Овца в волчьей шкуре. Нет, не овца, а баран, поскольку Жанна под определение овцы не подпадала, это была молодая волчица.

Если она такая сейчас, пока молодая, что будет, когда станет матерая?

Через минуту Михаил вывел спутницу из временного анабиоза:

– Надо позвонить.

– Договорились же полицию не вмешивать.

– Не в полицию. Домой.

С хрустом потянувшись расправленными руками, одна из которых едва не заехала водителю в глаз, Жанна принялась рыться в бардачке. Потом в прочих вещах. В конце заглянула под сиденья.

– Предусмотрительный. – Она тихо выругалась под нос. – Перед выходом он свой телефон оставил у меня дома, чтобы нельзя было отследить, где трупы закопал.

– Мог бы просто выключить.

– В некоторые модели в систему заранее встроены микробатареи, не отключишь и не удалишь, а у прочих, если аккумулятор не вытащить, тоже отследят. Терпи до дома, если не срочно.

Жанна снова откинулась затылком на подголовник.

Михаил уже несколько раз косился в зеркальце заднего вида, каждый раз все более нервно.

– Посмотри назад, – сказал он. – Видишь машину вдали?

- Черную?

- Второй поворот за нами повторяет. Не обгоняет, не отстает.

- Сверни. И как только скроешься из виду...

- По газам?

Жизнь закрутилась как в заправском боевике: супергерой уходит от погони с юной красавицей на борту. Рассказать знакомым – засмеют.

Жанна с кривой усмешкой развеяла нарисовавшиеся в его уме смелые картинки:

- Наоборот. Адреналинчик, что ли, разыграл? Выброс тестостерона беспокоит? Для улучшения гормонального фона придуманы средства лучше, чем играть с неизвестными в казаки-разбойники.

Михаилу новый поворот к старому не понравился.

- По-твоему, надо остановиться и просто сдаться?

- Нет, – отрезала Жанна. – Нужно развернуться и поехать навстречу, и мы их рассмотрим. Если это его люди, – при слове «его» ее лицо сделало круг, обведя взглядом салон, – я их узнаю. Придется сматываться на всех парах, чтобы ненароком на пулю не нарваться. Если же за его машиной зачем-то следят другие...

- То?.. – словесно подтолкнул Михаил.

Жанна, видимо, не любила, когда ее торопили. Нарочно медленно поправив двумя пальчиками упавшую челку, она посмотрела на Михаила словно бы что-то выискивающим взглядом.

- Если едут именно за нами, но не догоняют – значит, просто следят. Тогда посмотрим кто. А вот потом – по газам, в противоположную сторону.

Сидя рядом в узенькой юбочке и блестя гладкими бедрами, отвлекающими взор даже несмотря на чудовищные события, эта странная сорвиголова женского пола умудрялась выглядеть одновременно неприступной и пронзительно зовущей. Демонстративно заголяя ноги до границ приличия, Жанна, тем не менее, не переходила границ. Но ведь срывающийся взгляд потому и косил в сторону ее низа, что ждал тревожного момента, когда готовое произойти произойдет, и тогда...

Тогда – что? Зачем это «тогда» Михаилу? Чего он, вообще, ждет от соблазнительной случайной соседки? Чего хочет?

Он внезапно вывернул вправо, не показав намерения сигналом поворота.

– Смотри. – Жанна указала на перекресток.

Интересующий автомобиль оказался большим черным джипом. «Преследователь» спокойно проехал по своим делам мимо их поворота. От сердца отлегло.

Они вновь выехали на дорогу, в этот ранний час почти свободную.

Может, не следовало делать того, что Михаил сделал, но он не удержался и спросил, заранее ругая себя, поступающего как одолеваемый ревностью сопливый мальчишка:

– Он тебе кто?

Глаза новоявленной волчицы нехорошо сузились. Жанна не переспросила, кого имеют в виду, не понять было нельзя.

– Теперь никто.

А через несколько мгновений она добавила:

– Он и был для меня никем.

Михаила ответ устроил.

Недалеко от своего дома Жанна объявила:

– Во двор не заезжай. Останови здесь. Все, пока.

Она вышла и на Михаила даже не взглянула – то ли будучи в трансе, то ли от непонятной злости на себя, на попутчика, на жизнь... Кто их, взбалмошных девиц, разберет? Другие люди. Если для нее в человека выстрелить – что муху газетой прихлопнуть, что будет дальше?

Не успел он тронуться, как рядом притормозил полицейский УАЗик, сирена кратко квакнула с требованием остановиться. Жанна, еще не успевшая войти в подъезд, замерла в дверях.

Из открывшейся машины выскочил молодой офицер в бронежилете и с «Калашниковым» в руках:

– Эй! Стой!

3

Михаил остановился. УАЗ проехал чуть вперед, оттуда вышли еще трое таких же бравых ребят.

– Пройдемте с нами, – объявил Михаилу первый вышедший, пока остальные выгружались.

Вот и все, доигрался. При выходе из машины руки сами собой сложились за спиной, как в кино, где именно так водят преступников. Сколько лет дают за угон? А за соучастие в убийстве с целью наживы (а как иначе понять действия Михаила и Жанны?)? А как быть, если обвиняемый – тоже труп, только ходячий, то есть официально признан мертвым? Это смягчающее обстоятельство или отягчающее? Если решат, что притворился сознательно (допустим, чтобы начать другую жизнь по чужим документам), сидеть ему веки вечные. Прощай Наташа, не сбылись мечты о хорошей жизни. Только бы дети выросли достойными

людьми.

Простучали каблучки, донесся крик:

- Молодые люди, а что случилось?

Полицейские оглядели Жанну, как волки косяку, решившую узнать причину лесного собрания.

Парень в бронежилете объяснил:

- Требуется понятой. В домах все еще спят, и мы хотели попросить мужчину...

- А можно я? - Жанна расцвела лучезарной улыбкой. - Я здесь живу. Понимаете, брат... - неожиданно для Михаила ее подбородок указал на него, - брат отцу за лекарствами поехал, это срочно, а я пока свободна. К тому же, я никогда не была понятой. Любопытно. Возьмете меня на замену? В чем заключаются обязанности понятого, что он должен делать? Миша, езжай. И постарайся быстрее, папа ждет.

Полицейские переглянулись. Им такой бартер понравился. Против добровольного присутствия в стае косяку волки не возражали.

- Пройдемте.

Отвечая на посыпавшиеся шутки-прибаутки, Жанна отправилась с командой из УАЗа в соседний подъезд. Онемевший Михаил понял, что стоит, ни жив, ни мертв. Со лба текли крупные капли.

Еще с минуту он приходил в себя, прежде чем сесть за руль. Колени снова предательски дрожали.

Длинный путь через город прошел без происшествий. Ехал Михаил аккуратно, с соблюдением всех правил, но и не ползком, чтобы не вызвать ненужных подозрений.

Мир просыпался окончательно и бесповоротно. Из-за города в центр летели на дневную смену полчища ворон. Не хотелось оказаться в секторе бомбометания, белый цвет красит невесту, но никак не взрослого мужика на хорошем автомобиле. По мнению Михаила, любому созданию, если оно гадит на голову, в цензурном наименовании должно быть отказано на законодательном уровне.

По земле из области ползли электрички, полные никогда не спящих (так казалось со стороны) иногородних рабочих, пахло одновременно дымом и лесной свежестью. На помытых улицах редкие машины надолго застревали на пустых перекрестках в ожидании своего «зеленого». Лучшее время суток: везде чисто и красиво, встающие на работу люди еще не успели поработать над изменением знака картинка на противоположный. Утренний час пик вновь превратит в тыквы то, что принимали за кареты, кучеров – в крыс, а принцев – в прожженных искателей удовольствий. И только Золушки никем не станут, они навсегда останутся Золушками.

Со сказочного и глобального мысли перекинулись на домашнее. Жена спит. Дети на отдыхе. С одной стороны, хотелось как можно скорее сообщить любимой о возвращении в царство живых и, может, даже немного отметить с ней это дело. Совсем чуть-чуть, для проформы. Повод – всем поводам повод, грех не воспользоваться. А затем честно не пить, как дал себе зарок. Последний. Поскольку понятно – дальше некуда.

До дома оставался квартал, когда из припаркованной у тротуара «Лады» вылез, поправляя головной убор, сонный гаишник. Жезл (кто бы сомневался?) требовательно взлетел перед капотом машины Михаила.

Ежкин кот. Кирдык. Приехали. И еще много всего глубоко иносказательного. Попытаться уболтать и «отмазаться»? Как?! Чужая дорогушая машина без документов, кровь на рубашке, а неподалеку в лесу – полузакопанный труп, который, возможно, уже нашли прибывшие на грохот выстрелов любознательные соотечественники.

А Жанна останется в стороне. Вот так. Дескать, при чем здесь она? Кто ее видел? Где свидетели?

Отпечатки? Она сама призналась, что в этом плане алиби у нее несокрушимое. Труп повесят на Михаила, однозначно. Был у девчонки в гостях (его пальчиков в

ее квартире выше крыши), не поделил сексапильную красотку свободного поведения с некстати явившимся бойфрендом и отправился в лес выяснять отношения. Все просто, как дважды два. Сколько лет дают за убийство с отягчающими обстоятельствами?

Делая вид, что прижимается к обочине, в последний момент Михаил вдавил педаль газа до отказа. Представителя закона только вонючим чадом окатило. Автомобиль послушно и радостно «выстрелился» вперед, словно долго ждал и, наконец, дождался. Скорость – это была его стихия, он для нее создавался. От тигриного рыка вибрировал желудок и сладко тянуло в паху. Чуть позже рык перешел в довольное урчание, отдавшееся в организме животным возбуждением. По коже покатались волны мурашек. Это не армейская «Шишига», которую Михаил считал когда-то лучшей машиной в мире. Лучшей, потому что никто не пройдет там, где ездит «ГАЗ шестьдесят шестой», только зверь и пешеход. Сейчас открылась другая стихия. Скорость поработала, заставляла вожделеть, как любимую женщину, по венам побежал бензин. Раньше Михаил не понимал детей, в компьютерных играх гонявших до синевы под глазами и отключения сознания. Теперь понял. Человек умеет летать только вниз, а скорость – это полет по горизонтали. Скажем проще: скорость – это полет.

Полицейский прыгнул в свою машину, но пока та заводилась и разворачивалась, у Михаила появилась фора. Родной район он знал как свои пять пальцев. Впереди – широкий проспект и оживленное движение, упиралось все это в стационарный пост полиции. Пост давно закрыли, но под бесхозным навесом бесменно дежурил патруль. Туда нельзя. Куда же?

Дрифт по пустой улице едва не выронил сердце наружу. Три поворота – вправо, влево и еще раз резко вправо – вывели на бетонку. К звуку мотора прибавились шуршание и стук на стыках.

Погоня. Оказывается, это здорово. Это будоражит. От вкусных басов пела душа. Визг сгораемой в пробуксовках и на поворотах резины приводил сознание в состояние затянувшегося оргазма.

Прямо по курсу – гаражный кооператив, единственное место, где возможен хотя бы намек на безопасность. Промчавшись сквозь въездные столбики и дважды судорожно вывернув, Михаил погнал вперед сквозь ряды гаражей. С другой стороны кооператива есть второй выезд, но там опять улица. Если по рации

гаишник объявил перехват (а он обязан объявить), там уже ждет со всеми почестями встречный экипаж.

Теперь без разницы, другого пути нет. Точнее, пути есть, их много, но нет шансов.

Счет шел на секунды. Все зависело от везения и от наличия второго экипажа в такую рань в этом районе.

Слева голодной пастью зевнул открытый гараж. Внутри пусто. Вскрыли и угнали машину? Скорее всего. Причем, вскрыли или угнали недавно, еще никто не хватился, ни хозяева, ни соседи по кооперативу. Это подарок судьбы. Сбавив скорость и стараясь теперь не пылить на прибитой росой гравийке, Михаил въехал в распахнутые ворота. Едва машина закончила движение, он выскочил из нее и затворил металлические створки.

Преследующая «Лада» с грохотом пронеслась мимо.

Раскроют ли уловку? В любом случае машину придется бросить. Пробравшись между гаражами в соседний ряд гаражного кооператива, Михаил скинул в кучу мусора не нужные больше перчатки, собрался с силами и перепрыгнул через ближайший заборчик.

Его свалил сильный удар в грудь.

P

.

S

.

Донесение №3:

Через случайностей едва не привела к непоправимым последствиям, но события остаются в русле главного направления. Наблюдаемые приготовления позволяют предположить, что сегодня или завтра ожидается нечто чрезвычайно важное. Вмешательство не требуется, до оговоренного сигнала оно категорически неприемлемо, так как приведет к краху операции в ее основной цели. Тихоня.

Часть четвертая

Будьте внимательны к своим мыслям – они начало поступков.

Лао-цзы

После поворота событий от плохого к худшему цикл повторится.

Следствие Фарнсдика

***

- Доверить объектам самим выбирать лучшие варианты из возможных? Величайшая глупость. С теми, кто не ищет легких путей, хлопот не оберешься. Намного эффективнее оставлять событиям единственный путь развития.
- При любом раскладе остается место случайностям, и надо предусмотреть все.
- Когда случайностей много, план никуда не годится. Ситуация должна выглядеть сложной и запутанной, но только выглядеть, изнутри она обязана сиять божественной простотой. Чем проще, тем лучше. Совсем просто – совсем замечательно.

- Считаешь, что навораченное здесь – просто?

- А ты?

- Я первый спросил.

- Думаю, что да.

- Екарная кочерыжка, что же у вас в конторе в другое время творится, если ЭТО для вас просто?..

- Попрошу заметить, что не «у вас» и «для вас», а «у нас» и «для нас», привыкай. А насчет того, что творится... Оно только со стороны кажется сложным и неподъемным. Пооботрешься, почаще и побольше поучаствуешь, посмотришь на события изнутри, сам планы посоставляешь – узнаешь.

- Я свихнусь!

- Тоже вариант, но если не свихнешься – удержишься. И зарабатывать будешь на порядок больше, чем на прошлой работе. Кстати, где работал-то?

- Недавно с передовой.

- Ну и где же нынче передовая?

- Не смейся. Моя, ну ее в зад, была в Африке, миротворцем контрачил.

- Местных царьков умиротворял? От голода спасал свежим белым мясом? И как? Денежно?

- В теории – да. Но здесь, надеюсь...

- Именно. Опасно как в твоей передовой Африке, зато с оплатой проблем нет.

- Потому и прибился. Мне в кайф, когда жизнь можно хоть в бараний рог гнуть, а тебе за это – ничего.

– Кроме неприятной дырки в животе и тастика с бетоном на ногах в окружении русалок.

– Не надо о грустном. Я не о худшем из возможного.

– Но ведь возможного? Не надо забывать, что все под Богом ходим.

– Замнем для ясности. Мне по душе другое. То, что мы мир под себя лепим. Что нагибаем его, как хочется, и используем по назначению. Нигде такого ощущения не получишь. Чувствую себя Всевышним.

– Но-но, не заговаривайся. Спускайся на землю, к нам, грешным.

– Насчет грешных. Помнишь, варианты накидывали, зачем мы задействованы, и вообще к чему это все? Последнее, что тогда пришло в голову, было о создании поводов, чтобы кто-то без проблем навещал госпожу «вдову» для своего удовольствия.

– Была такая версия.

– Уже не просто версия. Есть кандидатура на роль этого «кого-то». Ты его знаешь.

– А дамочка-то у нас не промах, оказывается. Только что видел ее. Типичная учительница. На несколько лет младше мужа. Сдобная шатенка с такими ягодицами, что сразу хочется влезть и попрыгать. На вид вся такая правильная, непробиваемая, на хромой козе не подкатишь. Я думал, она свою жизнь давно коту под хвост со скипидаром... в смысле – на поднятие детей и недотепистого муженька положила, а страсти на хозбыт растранирила, но мадам, получается, и о своем интересе не забывает. Тридцать, сорок, сорок пять – баба ягодка опять...

– Ягодка, ягода, ягодница, ягодица... Насчет последнего ей зачет.

– Не отвлекайся на чужие караван, пошутили, и будет. Выкладывай версию.

- Первая камера ведет постоянную запись, посмотри номера машин, которые последнее время у подъезда паркуются. Один автомобиль ты знаешь как облупленный.

- Говори уже, что ли.

- Стоп, сообщение пришло. Опять план корректируется.

- Звони шефу!

1

- Дебил, ты что наделал?! - раздалось над головой. - Ты же его убил!

Придя в себя, Михаил спинным мозгом почувствовал, что глаза лучше не открывать. Раньше роль мертвеца не нравилась, но сейчас...

Он остался лежать в прежней позе.

- Да не мог я убить, - донесся другой голос, гулкий и басовитый. - Приложился не сильнее, чем всегда.

Послышалась непонятная возня.

- А если все-таки грохнул? У него даже на бутылку не нашлось, пустой, как мой гроб до поры до времени, и рубаха в крови.

- Зато штаны фирмОвые, как раз мой размерчик. Подфартило. С паршивой овцы хоть штанишки...

Чужие руки стащили с Михаила трофейные джинсы.

- А под штанами-то - пусто.

– Я не брезгливый. Может, он тоже с кого-то снял. Главное, вещь хорошая. Ты не разбираешься, а я в свое время видывал и знаю: тебе на такую тряпку полгода за станком фигачить.

Михаил по-прежнему прикидывался трупом. Почти профессионально. Не пропадать же бесценному опыту последних дней.

Чье-то ухо прислонилось к груди.

– Скорее жив, чем мертв.

– Это хорошо, не люблю мокрухи. Чешем отсюда.

Удалявшиеся шаги становились все тише, и веки Михаила с великой осторожностью приоткрылись: две коренастые тени скрылись за углом.

Боль в груди заставила сгорбиться. Подняться удалось с трудом. Пошатываясь, Михаил направился в сторону родного дома. Пусть без штанов, но – наплевать. Все потеряло значение. Хватит. Домой.

Едва он показался из-за гаражей, с улицы послышалось:

– Эт-то что у нас тут такое?

Михаила словно прострелило, но он, делая вид, что не замечает, продолжил идти в другую сторону.

– Эй, бесштанная команда! Крру-у... гом! К нашему шалашу строевым шагом – ать-два! И быстрее. Только не падать, еще не хватало нам грязь в машину тащить.

Метрах в пятидесяти у раскидистой липы притулился полицейский «луноход», из него на явного оборванца, который брел в никуда и при этом избегал встречаться взглядом, из-под фуражек с блестящими козырьками глядели две довольные улыбавшиеся ряхи.

– К тебе обращаются. Стоять!

Силы не равны, удрать не получится. Двое молодых, здоровых, с оружием и на машине против одного усталого и побитого – счет «много – ноль» в чужую пользу. Михаил повернул к «воронку».

– Пьян? – раздалось оттуда.

Он безмолвно опустил голову. Пусть думают, что пьян.

– Бомж?

Снова тишина в ответ.

– К тебе обращаются! Как зовут?

– Михаил.

– Фамилия? Отчество? Не тяни kota за нежные места. Адрес?

Если сказать правду – чем это обернется? Но если скрыть... все равно докопаются. До всего. В том числе и до ходячего безбрючного «труп», сбежавшего из морга.

Михаил представился по полной программе. Полицейские повеселели.

– Почему без штанов?

– Ограбили.

Недоверчивый смешок был ответом.

– А рубаха почему в крови? – Один из представителей закона презрительно-брезгливо оглядел оставшееся приличное покрытие Михаила. – Скажешь, пальчик порезал? А ощущение складывается, что тебя ножом пырнули, причем неоднократно, или, хе-хе, расстреляли. Тоже неоднократно. Кровь-то – твоя? Может, «скорая» нужна?

– Это не моя рубашка, здесь подобрал.

Полицейские снова хмыкнули.

– Полезай, разберемся. Если ни в чем не замешан, посидишь недолго. Пока родственники не заберут.

– А если не заберут?

Водитель «лунохода» удивился:

– Есть и такой вариант? Тогда дело плохо.

Михаила затолкали в зарешеченную заднюю часть, где в полутьме уже теснились трое: парень, девушка и старик. Лица двух первых выражали крайнюю степень убитости, но на влюбленную парочку парень с девушкой не походили. Девушка была в платье, парень – в джинсах и джемпере поверх футболки. По одинаковости настроем и мимики их зачислили бы в близнецы, однако девушка на голову превосходила соседа по всем параметрам, все было при ней, от форм до одежды. Парнишка не тянул даже на разового спутника такой дивы – ничего тяжелее компьютерной мышки не поднимал, а с особами вроде нынешней соседки общался исключительно под чужой аватаркой. Сейчас оба тупо глядели в пол.

Неопрятно заросший старик кашлял, от его засаленной грязной одежды подванивало, зато глаза горели энтузиазмом. Видно, что ничего непоправимого в случившемся он не усматривал, и заговори с ним кто, он привел бы кучу доказательств, что все прекрасно и волноваться не о чем. К его сожалению, к разговорам соседи расположены не были. Все трое нервно глянули на окровавлено-голового новичка, но безропотно подвинулась, и «воронок» унес компанию к началу нового пути в жизнь. К его черному входу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/ingvin_petr/igryvygry

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)